

Убежище

Театральное действие
в четырех картинах

Перевод со словацкого
Виктора Мичурина

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЭСТЕР.

ШИМОН.

ЛУКАШ.

ЛИНДА.

ВЕНДЕЛ.

ВАГНЕР.

ЗЕЛКО.

Картина первая

Вдали от шума городской улицы, в полумраке затемненной сцены, как видение, появляется фигура сгорбленного старца, который тянет за собой тележку, полную сложенных картонных коробок. Эту фигуру мы скорее чувствуем, чем реально видим. Фигура с тележкой неторопливо переходит через всю ширину сцены и исчезает в кулисе. В нарастающем хмуром свете проявляется жилище людей, которые нашли свое скромное убежище на последнем рубеже жизни. Убежище людей, не готовых и не умеющих бороться против силы, которая их подавляет. Нечто между скромной квартирой и ночлежкой. Последняя остановка на крестном пути слабых. На ветхом стуле сидит Ш и м о н, могучий старец с седой шевелюрой. На его плечах накинуто полотенце. Вокруг вертится с ножницами в руках Э с т е р, старуха, явно довольная своим парикмахерским мастерством. Надевая кастрюлю на голову Шимона, проверяет правильность стрижки. Выяснив, что прическа «под горшок» вполне удалась, Эстер откладывает кастрюлю и подает Шимону зеркало. Шимон спокойно, неторопливо проверяет новую прическу и, кажется, тоже доволен результатом.

Шимон. Чувствую себя как английский баран.

Эстер. Баран? Скажешь тоже! А почему английский?

Шимон. Сразу видно, не знаешь историю, Эстер, иначе бы знала, что капитализм в Англии начинался именно со стрижки овец.

Эстер. Теперь тебе незачем Англия, Шимон... Мы уже сами его имеем, этот капитализм.

Шимон. Это точно... думаю, что у парикмахера это удовольствие обошлось бы мне в крон двадцать, может, даже и тридцать. Без чаевых. Больше сорока лет я давал чаевые парикмахеру каждую третью пятницу. Я и не представлял себе, что могло бы быть как-то по-другому. Ты хорошо подстригла меня, Эстер... Тебе бы на чай дать. *(Безнадежно ощупывает карманы.)*

Эстер. В другой раз дашь, знаю, что у тебя нет мелочи... По правде, тебя должна бы была постричь Линда, как-никак на парикмахершу училась.

Шимон. Ей бы я не доверился... У нее не знаешь, что выйдет. Там и ухо потерять недолго.

Эстер *(быстрыми движениями ножниц совершенствует «фасон»)*. Не преувеличивай, Шимон... Хотя она иногда и странная, но в стрижках она разбирается, это надо признать. Посмотри-ка на мою прическу, это тоже Линда делала.

Шимон. Неплохо.

Эстер. «Неплохо». Тебя не убудет, если скажешь, что она классная.

Шимон. Так я и сказал.

Эстер *(подметая волосы)*. Ты сказал «неплохо», а это, как говорится, две большие разницы.

Шимон. Другими словами – это то же самое. А вообще, тебе бы голову помыть.

Эстер. Хочешь сказать, что она у меня грязная?

Шимон. Я говорю, что тебе ее надо помыть, иначе сказал бы, что у тебя грязная голова. Я, знаешь, привык выражаться точно.

Эстер. Пошел к черту, старый пердун! Сэкономил на стрижке тридцать крон и еще хамит.

Шимон. Я не хотел тебя обидеть, Эстер! Я уважаю тебя, ты ведь знаешь.

Эстер. Ага, как задница штаны!

Шимон. Перестань ругаться, ведь знаешь, тебе это не идет. Ты же, в сущности, благородный человек.

Эстер *(начинает смеяться)*. Благородный человек! Благородный человек? Здесь? Здесь, в этой каморке, среди этой бедности?! Ободранная, как липа, готовлю этим ненасытным, кто еще меня беднее, убираю, чтобы здесь не было как в хлеву... И я, мол, благородная. Да если б я не ходила иногда в церковь на Троицу, забыла бы, что я человек!

Шимон. Именно в этом и есть твое благородство.

Эстер *(мрачно)*. Да... И еще в грязных волосах.

Шимон. Я не сказал, что они грязные.

Эстер. Ты сказал, что мне их надо помыть.

Шимон. Теряешь благородство, Эстер. Мелочность тебе не идет.

Поодаль, на раскладушке, ворочаясь, привстает продрогший Лук а ш.

Лукаш. Если бы вы встретились лет пятьдесят тому назад, вы бы вполне могли стать Ромео и Джульеттой.

Эстер. Болтаешь, Лукаш, болтаешь... Ты бы лучше еще отдохнул, совсем обессилел.

Лукаш. Опять у меня был приступ?

Эстер. Не знаю, о чем говоришь, Лукаш.

Лукаш (*поворачиваясь к Шимону*). Вы-то мне можете сказать?

Шимон (*озадаченно*). Почему я?

Лукаш. Врать не умеете. Был?

Шимон. Был.

Лукаш. Тяжелый?

Шимон. Я тебе деревяшку между зубов вставлял.

Лукаш. Спасибо... Я вас очень испугал?

Эстер. Я уже к этому привыкла.

Лукаш. Значит, очень. Простите меня, пожалуйста!

Эстер. Перестань болтать вздор. Сможешь встать?

Лукаш. Смогу.

Шимон. Ты только спокойно лежи.

Эстер. Я хотела, чтобы он чуть-чуть покушал.

Шимон. С этой кашей он справится и на кровати... Справишься?

Лукаш. Справлюсь и за столом. Я уже в порядке. Немножко поясница болит, но в целом – порядок.

Шимон. Я уже говорил, тебе лечиться надо, Лукаш.

Лукаш. Может быть, и надо, но я совсем не уверен, хочу ли я.

Эстер. Как это, «не уверен»?

Лукаш. Трудно объяснить... Знаете, еще в древнем мире эпилепсия считалась заболеванием богов. Благодаря ей я нахожусь в кругу гениев.

Эстер. Гениев?

Лукаш. Да, таких людей, как Александр Великий, Достоевский, Мопассан, Ван-Гог, Альфред Нобель, кардинал Ришелье. Продолжать?

Шимон. Ты хочешь сказать, что все они были эпилептиками?

Лукаш (*триумфально*). Все!

Эстер. И никто из них не лечился?

Лукаш. Никто... Правда, об этом нет никаких сведений.

Эстер. Бедняки, наверное.

Шимон. Как раз наоборот. Эстер, как раз наоборот. Ты никогда не слышала, например, про Нобеля?

Эстер. У которого был динамитный завод?

Шимон. Это только фабрику его именем назвали.

Эстер. А может, если бы она ему действительно принадлежала, у него нашлись бы и средства на лечение.

Шимон. У него было больше денег, чем у всех банков Швеции вместе взятых.

Эстер. Так почему же он не лечился?

Лукаш. Есть больше сорока разных видов эпилепсии. Трудно определить тот, который у тебя. Ему не повезло, что тогда еще не было Рафаела Цангера.

Шимон. Кто такой, этот Цангер?

Лукаш. Профессор больницы Сан Паоло.

Шимон. Испанец?

Лукаш. Итальянец. Заведующий клиникой в Милане... Когда-нибудь, когда у меня будет достаточно денег, поеду к нему. Он – крупнейшая величина в эпилептологии.

Эстер. В чем?

Лукаш (*отчетливо повторяет*). В э п и л е п т о л о г и и, наука такая.

Эстер. Я бы язык себе сломала.

Лукаш (*мечтательно*). Милан... Представляете? Ломбардия... «Ла Скала»... Галерея Брера... Амброзиана...

Эстер (*быстро*). Подожди, подожди! Какая Амброзиана?

Лукаш. Одна из крупнейших библиотек в Италии, может быть, даже в Европе.

Эстер. Я уж думала, что это как-то связано с отцом Амброзом.

Шимон. Кто знает, сколько стоит самолет в Рим?..

Лукаш. Почему не прямо в Милан?

Шимон. Не знаю, есть ли у них там аэродром.

Лукаш. Конечно, есть. (*Как будто цитирует из словаря или энциклопедии.*) Милан – крупнейший центр Ломбардии с населением миллион семьсот тысяч жителей.

Эстер. Почему бы тебе не полететь через Рим? Может, ты увидел бы собственными глазами Святого отца... Если бы он тебя благословил, не пришлось бы ехать к этому профессору.

Шимон (*с сомнением*). Может быть...

Лукаш. На поезде дешевле. Милан – это крупнейший железнодорожный центр всей Ломбардии. В городе пересекаются целых семь линий.

Шимон. Во-первых, ты должен знать, хочешь ли ты лечиться. Ты только что сказал, что не уверен.

Эстер. Болтовня. Прежде всего, у него должны быть деньги. А вы о каком-то поезде.

Шимон. Это факт... У нас таких денег нет.

Лукаш. Рафаел Цангер только один.

Эстер (*достает две сберкнижки и открывает их прямо перед глазами Лукаша*). Здесь хватит и на три авиабилета! Видишь? На этой – восемьдесят шесть тысяч и на этой – сто тридцать...

Лукаш (*пораженный*). Сколько?

Эстер. Всего двести шестнадцать тысяч с какой-то мелочью.

Шимон. К сожалению, недоступных.

Лукаш. Что это значит?

Эстер. Это значит, что они есть, и их нет.

Лукаш. Откуда у вас такая уйма денег?

Эстер. Это обо мне отец Амброз позаботился. Моя зарплата за тридцать два года работы.

Шимон. Вот это деньги! Эстер – богатейшая нищая, которую я знаю. Отец Амброз надул тебя. Целых тридцать два года не платил даже страховку. Если бы не социальные выплаты, ты, пожалуй, и сдохнуть могла.

Эстер. А я и с этой страной социальной помощью подыхаю.

Лукаш. А как же эти книжки?

Эстер. Этими бумажками я могу подтереть себе...

Шимон (*прерывая*). Не ругайся, Эстер. Это тебе не идет.

Эстер. «Я о вас позабочусь, Эстер». Отлично позаботился, собака вшивая. Однажды ушел на пьянку и не вернулся. Нашли его утонувшего в Сенце. Ушел на тот свет, а кода не сказал к этим сраным книжкам. Сволочь.

Шимон (*упрекая, спокойно*). Не надо, Эстер.

Эстер. Тебе легко говорить. Если бы одно это слово, я могла сейчас Лукашу дать деньги на авиабилет.

Шимон. Если бы ты знала это слово, тебя здесь давным-давно бы не было.

Эстер. И где бы, думаешь, я была, где?

Шимон. Откуда мне знать? Только здесь тебя больше бы не было.

Лукаш (*рассматривает книжки с надеждой*). А без этого слова, без кода не отдадут?

Шимон. Святая простота. Не знаешь банкиров.

Лукаш. А вы пробовали?

Эстер. Сколько раз... Умоляла, грозила, ругалась, все напрасно! Зря языком трепала. Они неколебимы.

Шимон (*иронически*). Как это, неколебимы? Они ведь тебе даже проценты начислили.

Эстер. Начислят-то они и без кода, но попробуй взять у них хотя бы одну крону.

Лукаш. Может, это слово можно угадать с помощью дедукции? А?

Эстер. Своими иностранными словами ты меня в могилу загонишь. (*Шимону, беспомощно*.) Ты-то его понимаешь?

Шимон. Конечно. Дедукция – это противоположное индукции.

Эстер. Чувствую, мудреть начинаю.

Лукаш. Скажу по-другому, Эстер. Дедукция – это логическое получение отдельного вывода на основе общих знаний.

Шимон. Точно!

Эстер. Агааа!..

Лукаш. Дошло?

Эстер. Нет.

Шимон. Попробуем объяснить тебе это на примере, ладно? Можешь сосредоточиться?

Эстер (*оставляет сберкнижки*). Готова.

Шимон. Отец Амброз был священником. Это общее знание... Ясно?

Эстер. Ясно. Знал об этом весь поселок, поэтому это общее знание. Ясно. Продолжай, Шимон, это уже интереснее!

Лукаш. Из общего знания можем вывести заключение, что, загадывая слово, мы выбираем понятие... Любое слово, скажем, из Библии.

Эстер (*увлеченно*). Или из Пятикнижия Моисея.

Лукаш (*ободряюще*). Правильно!

Шимон. Или, например, богослужебный предмет. Не знаю...

Эстер (*в восторге*). Например, дароносица.

Шимон. Блестяще, Эстер. Ты абсолютно правильно все поняла. У тебя поразительный интеллект.

Эстер. Да, поняла... что мы пропали.

Лукаш. Почему пропали?

Эстер. В церковь не ходишь, иначе бы таких странных вопросов не задавал... Ты хоть представляешь, сколько таких богослужебных предметов? А про Библию я вообще не говорю: там тысячи слов, которые он мог употребить.

Лукаш (*не сдается*). Возможно, у него были какие-то любимые святые, притчи, которые он чаще всего вспоминал... Вы ведь с ним жили больше тридцати лет, попробуйте подумать.

Эстер. Я жила рядом с ним, а не с ним. Есть разница.

Шимон (*сухо*). И с ним...

Эстер. Ладно, это уже давно было. И вообще, какое тебе до этого дело?

Как весенняя «большая вода» врывается Л и н д а. Молодая, красивая, вызывающе одетая девушка.

Линда. Привет всей банде!

Эстер. Где ты здесь банду видишь?

Линда (*весело*). Извини, извини! Хотела сказать: «Привет честной компании». (*Вежливо подает руку Шимону.*) Привет всем! Привет, Лукаш! (*Чмокает его в лоб.*)

Лукаш (*впивается в нее глазами*). Привет, Линдуш!

Эстер (*с явной симпатией*). Смотри-ка, нашла дорогу домой! Я уже не надеялась тебя увидеть.

Линда. Рано радовалась, такого удовольствия я тебе не доставлю. Где кубышка?

Эстер (*быстро приносит ботиночную коробку, открывает*). Интересно...

Линда (*достает из сумочки три бумажки по сто крон и непринужденно опускает их одну за другой в коробку*). Чего глазееете?

Эстер. Глазееем... Что нового в высшем свете?

Линда. Я забыла купить для вас газету. Есть здесь что-нибудь положить на зуб?

Эстер. Кукурузная каша с лучком или тушеная картошка.

Линда. Даже два блюда! Как нам прекрасно живется, как нам живется!

Шимон. Картошка, правда, вчерашняя.

Линда. Подайте ее скорее!

Эстер. Дай только немножко подогреть.

Лукаш (*Линде*). Вы расстались?

Линда. С чего ты взял, что мы расстались?

Лукаш. Ты слишком веселая... Ты всегда веселишься, когда тебя бросают.

Линда. Предлагаешь мне поплакать? Немножко попользуются, немножко поразвлекутся, а потом бросят. Для меня это норма.

Шимон. И опять сначала... Откуда только у тебя силы берутся?

Линда. Для этого сил не надо, хватит одной дурости. В моем случае вера побеждает опыт... Так и теперь. Две недели обставляла однокомнатную квартиру для одной скотины. Две недели! Когда была почти готова, это сволочь приводит себе другую. Сказал «soггу» и забрал у меня ключ. Я не могла слова сказать, стояла в коридоре как дура...

Эстер (*ставит тарелку перед Линдой*). Это тот, Роберт?

Линда (*начинает есть*). Тот... лучше ногу себе сломать, чем повстречаться с такой скотиной.

Эстер. Все мужчины свиньи.

Шимон. Не все, Эстер. Не все.

Эстер. Все.

Лукаш. Женщины иногда тоже бывают редкой дрянью!

Эстер. Знаток заговорил. Что ты знаешь о бабах? Была у тебя хоть одна?

Лукаш (*неохотно*). Ну, не было... Мало ли чего не было в жизни.

Линда (*удивленно*). Значит, ты еще девственник?

Шимон. Оставьте парня в покое, чего вы на него набросились?

Линда. Расскажи, дружок, не смущайся...

Лукаш. Мы в кино пошли, а у меня приступ начался. Больше я ее не видел.

Шимон. Тебе бы радоваться.

Линда. Красивая была?

Лукаш. Для меня – да, очень красивая.

Линда. Красивее меня?

Лукаш. Нет.

Линда. Для тебя, Лукаш?

Лукаш. Не знаю.

Эстер. Оставь Лукаша в покое и ешь, а то остынет.

Линда. Если ты и отцу Амброзу так готовила, не удивляюсь, почему его удар хватил.

Эстер. Не нравится, ищи себе повариху получше. А отца Амброза не удар хватил, он утонул.

Шимон. Линда пошутила.

Линда (*внимательно глядя на Шимона*). Боже, кто вас так обкорнал?

Эстер. Я ему говорила, чтоб тебя подождал...

Линда. Почему не подождали?

Шимон. Кто знал, когда ты явишься... Вот нагрязнула сейчас, а могла и через месяц.

Линда. Через месяц, даже через два. Но я всегда прихожу.

Лукаш. Когда тебя кто-нибудь бросит.

Линда. Ну и что! Тебе-то дело какое? Это, наверное, одной меня касается, не так ли?

Лукаш. Скучно здесь без тебя, Линдуш.

Линда. Картошка была вкусная, спасибо.

Эстер. Я думала, тебе не понравилось. (*Сосредоточенно поливает герань.*)

Линда. Отлично готовишь, Эстер. Насчет отца Амброза я пошутила. Ты умеешь сотворить деликатес из ничего.

Эстер. В доме священника было по-другому. Всегда полно свежих яиц, кур, мяса. Я уж не говорю о свадьбах и крестинах. Прихожане состязались, кто гостинец побогаче принесет. А выпечки всякой было столько, что и поделить не могли. А вкуснотища-то какая! Не то что в кондитерской. Там все обман – заменители, наполнители всякие...

Шимон. Жаль, что мы не в доме священника.

Эстер (*ставит лейку*). Жалуешься, Шимон. Не нравятся тебе мои харчи, можешь в приюте попробовать. Говорят, Армия спасения отличные супы готовит.

Шимон. Я не сказал, что мне не нравится. Не надо сразу же обижаться. Не гони меня, а то я могу всерьез понять. У человека и с моей пенсией может быть достоинство. Отдаю я всю пенсию в кубышку? Отдаю. Оставляю только на сигареты и еще самые дешевые курю.

Линда. Курить вредно и, к тому же, не современно. В Америке курят только бомжи и цветные.

Шимон (*иронически*). Ты там была?

Линда. Не была, но поеду.

Лукаш (*испуганно*). Нет! (*Пауза.*) Тебе нельзя уезжать, тебя там затопчут. У тебя доброе сердце, тебе и здесь-то нелегко!

Эстер. Линда умеет жить, не потеряется. (*Берет хозяйственную сумку.*) Куда бы ни ходила, сколько бы ни ходила – и не пропала.

Линда (*Лукашу*). Ты мою болтовню не слушай. Что ты – меня не знаешь?

Лукаш. Вот именно, что знаю. Недели три тебя не увидим, а потом получим открыточку из какого-нибудь Нью-Йорка.

Линда (*подходит к Лукашу и импульсивно обнимает его*). До чего же милый он! Просто золото, а не человек!

Шимон. Он слишком доверчивый и все понимает всерьез... Ты куда-то уходишь, Эстер?

Эстер (*берет из кубышки несколько мелких банкнот*). Купить кое-какие мелочи.

Шимон. Чая нету.

Эстер. Куплю. (*Уходит.*)

Лукаш. Чтобы купить все, чего у нас нет, ей нужна тачка.

Линда. Некоторые и этого не имеют.

Лукаш. Я не жалеюсь. Давно уже так хорошо себя не чувствовал, как с вами.

Линда. Счастливец... А я еще вчера ужинала с шампанским.

Шимон. Роберт?

Линда кивает головой.

Лукаш. С завтрашнего дня начну делать физзарядку.

Шимон. Хочешь составить конкуренцию Шварценеггеру?

Лукаш. Да нет. Хочу разбить морду Роберту.

Линда. Что он тебе сделал?

Лукаш. Мне – ничего...

Линда (*ощупывая бицепсы Лукаша*). Тренируйся, Лукаш, тренируйся.

Из коридора слышится испуганный крик Эстер.

Эстер. Идите сюда, быстро!

Первым выбегает Шимон, за ним Линда. Шимон и Эстер вносят обмякшего мужчину. На шее незнакомца висит веревка.

Лукаш (*волнуясь, заикается*). Положите его с-сюда, на м-мою кровать.

Эстер и Шимон кладут на кровать бессильное тело.

Линда (*растерянно*). Жив?

Шимон (*щупает пульс незнакомца*). Не видишь, дышит? И пульс у него есть.

Линда (*снимает веревку с шеи спасенного*). Он весь лиловый... Может, «скорую» вызвать?

Шимон. Смотри, уже приходит в себя...

Эстер (*устало присаживается на кровать*). Тоже мне, нашел место, где вешаться.

Лукаш (*дрожа, показывает отрезанную веревку*). К-как вы это?

Эстер (*вспомнив*). Нож! Кто-нибудь, заберите его. Он в коридоре.

Лукаш выходит.

Шимон. Ты носишь с собой нож?

Эстер. Больше, чем полгода без него на улицу не выхожу. Ты что, газеты не читаешь?

Шимон (*опять прощупывает пульс*). Газеты я читаю, конечно, но про твой нож там ничего не писали.

Эстер. Брось дурака валять, лучше позаботься об этом бедолаге.

Шимон. Дурная трава не засохнет.

Возвращается Лукаш с кухонным ножом в руке.

Лукаш. Откуда вы знаете, что он дурной?

Шимон. Опять буквально понимаешь, Лукаш... Может, и хороший, кто его знает?

Лукаш. О-он н-наш брат, человек.

Линда (*подает Лукашу таблетку*). Конечно... На, запей.

Лукаш. Что это?

Линда. Рудотель. Он тебе поможет.

Лукаш (*запивает*). Спасибо, Линд.

Линда. Кто вызовет «скорую»?

Шимон. Никто.

Лукаш. Но, если мы ее н-не вызовем...

Шимон. Я сказал, никто. Если мы их вызовем, они посадят его в сумасшедший дом.

Линда. Зачем это?

Шимон. Каждого, кто совершает попытку самоубийства, должны проверить психиатры. Автоматически.

Эстер. Ничего другого он и не заслужил! Так меня испугать!

Лукаш. В дурдом? Н-нет..

Линда. А что мы будем делать, если он здесь умрет?

Шимон. Через минуту будет, как огурчик. Видишь – цвет лица приходит в норму.

Линда (*глядя на спасенного*). А он ничего, симпатичный...

Эстер. Ты бы глянула, когда он висел.

Шимон. Брось, Эстер. Кофе есть?

Эстер. Конечно, есть.

Шимон. Тогда завари. Но крепкий.

Эстер. Мне даже отец Амброз приказов не давал... Всегда только просил меня. Мне тут приказывать никто не будет.

Линда. Я помогу ему.

Лукаш. Я тебе помогу, Линдуш.

Спасенный неожиданно садится на кровати.

Вендел (*сдавленным голосом*). Где я?

Эстер. На том свете, мой дорогой.

Вендел (*с трудом*). А вы кто?

Эстер. Твой ангел-хранитель.

Вендел (*разочарованно*). Такой уродливый?

Шимон (*со смешком*). Получила, что хотела.

Линда (*подходит к Венделу*). Ну что, уже лучше?

Вендел (*механически массируя свое горло*). Вот это – ангел... От такого я не откажусь.

Эстер (*добродушно*). Посмотри, каков голубок... Еще будет выбирать.

Комната погружается во тьму. Через просцениум в полумраке проходит сгорбленный с т а р е ц с тележкой, наполненной картоном. Его фигуру мы скорее чувствуем, чем реально видим.

Картина вторая

За столом сидят Э с т е р, Ш и м о н и явно уже здесь устроившийся В е н д е л, который возится в обшарпанном транзисторе, из тех что встречаются иногда в контейнере для мусора.

Шимон увлеченно следит за его работой, Эстер, в очках, штопает носки.

Вендел. На этой неделе и я дам в кубышку. Как только заработаю денюжат.

Эстер. Не забивай себе этим голову, Вендел. Каждый даст, сколько сможет, и берем не больше, чем надо.

Вендел. Я не хочу чувствовать себя приживалом.

Эстер. Вот починишь радио, будем считать это твоим вкладом. За ремонт тоже, поди, надо платить? А?

Шимон. Если такую рухлядь вообще в ремонт примут. Кругом одни «Тошибы», «Панасоники», «Санио» и черт знает как еще их зовут.

Вендел (*не отрываясь от дела*). И этот будет хорош. Хоть и не «Филиппс», но вполне сойдет. (*Настраивает приемник.*)

После некоторого шума звучит музыка.

Эстер (*удивленно*). Работает!

Вендел. А вы как думали? (*Продолжает настраивать.*)

Звучит реклама на английском языке.

Эстер. Найди лучше музыку, Вендел.

Звучит музыка.

Вендел. А вы не очень-то верили?

Шимон. Я верил... Только раз увидел, как ты за отвертку берешься. Ты учился?

Вендел. Нет, но кое в чем разбираюсь.

Эстер. А ты сумеешь починить плиту?

Вендел. На газовую не решусь, но с электрической бы справился.

Эстер (*с уважением*). И пылесос?

Вендел. У вас есть пылесос?

Эстер. Нету. Уже нет.

Шимон. Так зачем спрашивать?

Эстер. Он смог бы соседке починить. Глядишь – еще деньжата.

Шимон. Пылесоса у нее тоже нет, а вот менеджментом ты, вроде, овладела.

Вендел. И это надо уметь. Если найдете заказчиков, могу начать хоть сейчас... только для ремонта требуются материалы, а их купить надо.

Эстер. Если не будешь заламывать цены, я бы тебе на материалы денег дала, потом в кубышку вернем.

Вендел. Ясно, буду по дешевке...

Эстер. Заказы я найду и на материалы дам. По рукам?

Шимон (*с презрением*). Предпринимательница...

Эстер (*игнорирует замечание*). У Новотной пылесос уже больше месяца сломан, надо ей сказать, что есть возможность...

Шимон. А инструменты откуда возьмешь? С одной отверткой и клещами много не наработаешь.

Вендел. Отыщу.

Шимон (*повысив голос*). Думаешь, это прокормит тебя?

Вендел. Вряд ли. Придется еще что-нибудь придумать.

Эстер. Шимон, ты, наверное, заболеешь, если не будешь каркать.

Шимон. Не каркаю я, Эстер... Сама прекрасно знаешь, что на бедного Макара все шишки валяются.

Вендел. Мог бы лотерейные билеты продавать. Под проценты.

Шимон. Неплохое дело, но надо хорошее место найти, конкуренция большая. Эти лотерейщики на всех углах торчат.

Вендел. А вы, что вы делаете?

Шимон. Пенсию получаю... Иногда подрабатываю в утильсырье, поставляю им картон от коробок.

Эстер (*с иронией*). Выходит, и ты предприниматель?

Шимон (*игнорирует намек*). Обойду несколько магазинов, два-три склада, соберется иногда с полкубометра. В удачный денек могу крон тридцать-сорок заработать. Мне обещали детскую коляску дать. Та, что у меня, – хлам, но колеса пока ничего.

Вендел. Зачем она вам?

Шимон. Надо же на чем-нибудь картон возить... Была у меня двухколесная тележка, но ее стащили недавно. Хотя на коляске я того не увезу, что на тележке, но все-таки лучше, чем ничего.

Вендел. Я найду вам тележку.

Шимон. Где?

Вендел. Пока не знаю, но в течение недели она у вас будет, не сомневайтесь.

Эстер. Только чтобы тебя не поймали, Вендел.

Вендел. Без проблем, пани Эстер.

Эстер. Я тебе уже говорила: для тебя я не пани.

Вендел. Ну и как мне к вам обращаться?

Эстер. Как остальные. Какая же я «пани»?

Вендел (*пытается перевести разговор*). Где Лукаш?

Шимон. В университетской библиотеке.

Вендел. Серьезно?.. А что он там делает?

Шимон. Занимается... До трех подметает парк, потом идет в библиотеку.

Вендел (*не понимая*). Он студент?

Эстер. Был.

Вендел. Ага... И чем он там занимается?

Эстер. Бог его знает.

Шимон. Сейчас океанографией.

Вендел. Это все, что о море?

Шимон. Все, что связано с океаном. Рыбы, растения, кораллы, планктон и Бог знает что еще. Недавно до ночи рассказывал мне об этом.

Вендел. Для чего ему это?

Эстер. Только он сам знает... По-моему, это зря.

Шимон. У него блестящая память. Он должен постоянно что-нибудь изучать. Если бы он не занимался, то, наверное, заболел бы. У него голова жаднее моего желудка. Готов спорить, что про эпилепсию он знает больше, чем любой профессор или доцент.

Вендел. Почему именно про эпилепсию?

Шимон. До недавнего времени он изучал все про эпилепсию. Эпилептология называется.

Вендел. А я до сих пор путаю эпилепсию с эллипсом.

Эстер. Лукаш – светлая голова. Он расписания по всей республике наизусть знает.

Вендел. Автобусов?

Эстер. Поездов, но оно труднее.

Вендел. Так какого черта ему подметать парк, а не работать, скажем, информатором на вокзале? Там люди, которым надо полчаса в расписании рыться, чтобы что-нибудь найти.

Шимон. Это ты его спроси.

Эстер. Лучше не надо.

Вендел. Почему?

Эстер (*простодушно*). Мы тебя тоже не спрашивали, зачем ты веревку себе на шею повесил.

Шимон (с упреком). Эстер, пожалуйста...

Эстер. Ну вот! В моем доме мне и рта уже открыть нельзя.

Шимон. Не надо подчеркивать, что это твоя квартира.

Эстер. Разве это уже неправда? Когда-нибудь мне откажут нервы, всех вас вышибу на улицу, паразиты! Всех!

Шимон. Интересно, как бы ты за квартиру платила, если бы паразиты денежки в твою кубышку не приносили.

Эстер (*растерянно*). Ну... Я взяла бы надежных жильцов, они платили бы по очереди ежемесячно... даже за месяц вперед.

Шимон. Кто польстится на этот бардак...

Эстер. Значит, бардак? Если тебе здесь не нравится, иди!.. Знаешь, куда?

Шимон (*не торопясь поднимается со своего места*). Пойду. (*Начинает надевать ботинки.*)

Эстер. Не забудь прихватить радио.

Шимон. Можешь оставить его себе – сэкономишь на газете.

Эстер. Возьми свой сраный транзистор, обойдемся без него. Линда телевизор нам купит... Цветной!

Шимон. Ща-ас... купит!

Вендел. У вас же нет антенны.

Эстер. Ты не суйся. Обойдусь и без антенны.

Шимон (*подает руку*). Прощай, Вендел.

Вендел. А как же с тележкой? Я вам обещал.

Шимон. Справлюсь и без нее. Спасибо тебе. (*Не спеша уходит.*)

Вендел. Зря вы так...

Эстер. И ты считаешь, что здесь бардак?

Вендел. Конечно, нет. Шимон тоже так не думал...

Эстер. Я здесь вокруг каждой задницы летаю, всех обслуживаю, чтобы здесь все было по-человечески, а им, видишь ли, не нравится. Ничего себе благодарность!

Вендел. Иногда скажешь то, чего на самом деле не думаешь... Особенно в гневе. Я свою жену один раз обозвал шлюхой.

Эстер. Я не знала, что ты женат.

Вендел. Женат и не женат. На бумаге мы не разведены, но больше трех лет уже вместе не живем... Что она меня выгнала, ради Бога, но что не позволяет ребенка видеть, я ей не прощу... А малыш буквально обожает меня. Я уже подумывал его через суд забрать.

Эстер. Детей почти всегда матерям отдают.

Вендел. Ну, а если бы я и победил, – что дальше? Куда мне с ним деться? Она выжила меня из квартиры. А заодно я и работу потерял... Если бы я первые месяцы каждый день не ходил реку

послушать, с ума бы сошел. Целыми днями ходил по набережной и прислушивался. Недавно опять к Дунаю ходил, но все стало иначе. Река будто онемела. Я сидел на берегу и ничего не слышал. Словно оглох.

Эстер. И давно это с тобой?

Вендел. С того дня, как вы меня из петли вытащили. Онемевшая река меня доконала... Чаша переполнилась...

Эстер. Удавка не выход, Вендел... Не хочу тебя поучать, но, думаю, ты должен к ней зайти. Попробовать снова.

Вендел. Если хотите от меня избавиться, скажите прямо. Я не хочу быть вам в тягость.

Эстер. Сейчас речь не о тебе, Вендел. Я о твоём сыне. Ты ему нужен. *(Повышает голос, волнуется.)* В самом деле, ты ему нужен. Понимаешь, ты должен вернуться, чтобы потом не думать, что чего-то не сделал для него. Знаю, что это нелегко, но иначе ничего не выйдет. Может, придется и унижаться. *(Берет лейку и начинает поливать герань.)*

Вендел. Да ладно... Унижался, и не раз! Больше не смогу. Опускаться можно лишь до какого-то предела, потом уже не выдерживаешь.

Эстер. Человек выдержит больше, чем он может себе представить!

Вендел. Я об этом тоже кое-что знаю, Эстер... Но в петлю-то я залез не из-за каприза или пустяка какого-нибудь!

Эстер. У нее кто-то есть другой?

Вендел молчит.

Это плохо...

Вендел *(сдавленно)*. Есть.

Эстер. Знаешь его?

Вендел. Так, поверхностно. *(Раздраженно.)* Послушайте, хватит устраивать мне допрос, хорошо?!

Эстер *(смущенно)*. Извини, Вендел, не хотела тебя обидеть.

Вендел *(через некоторое время)*. Это вы меня извините... Но, как вспомню его благополучную морду, сразу хочу ее разбить. А моя жена предпочла его мне...

Эстер *(размышляя)*. Чем-то ее привлек. *(Отставляет лейку.)*

Вендел. Привлек... Точно, привлек. Возит ее на «мерседесе», завалил подарками.

Возвращается промокший Шимон.

Шимон. Могу я взять зонтик? Льет как из ведра...

Эстер. Тебе переодеться нужно, а то еще простудишься... *(Подает ему рубашку.)* Иними ботинки.

Шимон. Спасибо. *(Меняет рубашку.)*

Эстер. Приготовлю тебе чай.

Шимон *(вежливо)*. Спасибо, не надо.

Эстер. Перестань дуться... Знаешь меня, знаешь, я плохого не хотела. Когда рассержусь, рывкну, что в голову взбредет.

Шимон (*мирно*). В другой раз думай, что говоришь.

Эстер. Ну что? Чай ставить?

Шимон. Ладно. (*Медленно снимает ботинки.*)

Вендел. Я боялся, что вы уйдете...

Шимон. Да я и хотел.

Эстер кипятит чай.

Вендел. Прямо ночью?

Шимон. Когда меня обидят, я о такой чепухе не думаю.

Вендел. Крыша над головой и собственная кровать – не чепуха.

Шимон. Ты прав, парень, но гордость важнее. Я чувствителен к обидам.

Возвращается промокший Лукаш, на плечах у него накинут кусок фольги. В руках – две пластмассовые бутылки, наполненные песком.

Лукаш. Добрый день всей компании! (*Решительно ставит бутылки на стол.*)

Эстер. Скорее добрый вечер, Лукаш.

Лукаш. Уже вечер? Я даже не заметил... Тогда добрый вечер.

Вендел. Почему в бутылках песок?

Лукаш. Попробуйте их поднять.

Вендел взвешивает бутылки в руке.

Тяжелые?

Вендел. Довольно. Зачем они тебе?

Лукаш. Для тренировок. Вместо гантелей. Здорово, правда?

Шимон (*с усмешкой*). Это, видно, для Роберта.

Лукаш. Именно... Что у вас нового?

Эстер. Вендел починил радио.

Лукаш (*включает радио, радуется*). Работает... Вендел, вы действительно мастер своего дела.

Вендел. Мы договорились быть на «ты», Лукаш.

Лукаш. Извини, не могу привыкнуть.

Эстер. Я чай вскипятила, будешь?

Лукаш. Спасибо, буду... Линда не вернулась?

Шимон. Вижу, тебе ее не хватает...

Лукаш (*искренне*). А вам? Когда она приходит, все оживает. Кажется, что здесь больше света. Всю дорогу я радовался, хотел ее увидеть.

Вендел (*успокаивает*). Может, еще придет. Пока не поздно.

Стук в дверь.

Лукаш. Уже здесь!

Шимон. Линда не привыкла стучать.

Опять стук.

Эстер. Войдите!

Вагнер (*сорокалетний мужчина, в новом элегантном костюме*). Мне нужна пани Ломска. (*Слегка смущен.*) Простите, добрый вечер... (*Стряхивает воду с зонтика.*)

Эстер. Добрый вечер, это я.

Вагнер нерешительно оглядывает комнату.

Чем обязана, господин Вагнер?

Вагнер. Ну... (*Застенчиво.*) Я хотел бы представиться вам...

Эстер. Вы уже представились. Но почему именно мне?

Вагнер. Ну... я думал, что надо с первого этажа начать...

Эстер. Не понимаю.

Вагнер. Чтоб в этом была своя система... Дом большой, и я не хотел бы кого-нибудь пропустить.

Эстер. Так вы что-то предлагаете?

Вагнер. Да нет, госпожа Ломска. Я представляюсь жильцам.

Вендел. Странное хобби у вас.

Вагнер. Извините, кто этот господин?

Эстер. Знакомый.

Вагнер. Он у вас в гостях?

Эстер. Можно и так сказать. Почему вас это интересует?

Вагнер. Если откровенно... меня интересуют все жители этого дома.

Шимон. Вы из полиции?

Вагнер. Нет... а этот господин кто? Тоже знакомый?

Эстер. Тоже.

Вагнер (*смотрит на Лукаша*). Этот, наверное, тоже?

Вендел. Вам не кажется, что вы много спрашиваете?

Вагнер. Простите, но я разговариваю с госпожой Ломской... Если я не ошибаюсь, то вы ответственный квартиросъемщик?

Эстер. Вы не ошибаетесь.

Вагнер (*нерешительно*). Я хотел бы спросить, если ли у вас запасная квартира.

Эстер. Что это за вопросы?

Вагнер. Я знакомлюсь с жилищными условиями жильцов.

Шимон. Вы из жилотдела?

Вагнер. А, я вам не сказал... Я владелец этого дома.

Эстер. Вы шутите, господин Вагнер.

Лукаш. Эстер, он не шутит, й-й-я это чувствую.

Вагнер (откладывая зонтик). Можно мне сесть?

Вендел (*иронически*). Чувствуйте себя как дома, господин владелец.

Шимон. Вы можете предъявить какие-нибудь документы?

Вагнер. Конечно, могу. (*Вынимает паспорт.*)

Шимон (*перехватывает инициативу, всем видом показывая, что разбирается в этих вопросах*).

Я имел в виду документы на владение.

Вагнер. Заверенная копия решения о реституции висит в вестибюле главного входа. Вы ее не читали, госпожа Ломска?

Эстер. Там всегда какие-то бумаги висят. Кто их все читает?

Вендел. Пойду посмотрю... (*Уходит.*)

Лукаш (*волнуясь*). Н-н-напрасно, Вендел. Конечно, висит там эта бумага.

Вагнер. Мне очень неприятно, что я вам помешал... Мне теперь надо к следующим жильцам зайти.

Эстер (*с надеждой*). Наверху квартиры лучше. Побольше...

Вагнер. Я знаю, госпожа Ломска. У меня есть план всего объекта.

Возвращается удрученный Вендел. Молча садится на свое место.

Лукаш. Ну что, есть она там?

Вендел кивает.

Вагнер (*берет свой зонтик*). Простите за беспокойство. Спокойной ночи. (*Уходит.*)

Эстер (*подавляет слезы*). Спокойной ночи.

Лукаш. Что с н-нами будет?

Вендел (*сухо*). Выкинет нас.

Эстер (*успокаивает более себя, чем остальных*). Этот Вагнер, кажется, приличный человек... Может, он и оставит нас в покое... Конечно, он нас оставит, зачем ему такая каморка. Над нами – две первоклассные трехкомнатные квартиры... А здесь раньше дворницкая была. Зачем же ему именно на нее зариться?

Вендел (*мерит взглядом квартиру*). Он себе что-нибудь найдет. Вложит тысяч сорок-пятьдесят в ремонт и получится апартамент. Может его в аренду сдавать, за валюту. Инвестиции в течение квартала вернутся, а дальше он только деньги будет получать. Дом в центре, район золотой.

Шимон. Здесь нет даже телефона.

Вендел. Это не проблема. Сегодня нет, через неделю – будет. Знаете – рука руку моет.

Эстер. Он не может вот так, ни за что ни про что, нас вышвырнуть.

Шимон. Конечно, не может. Существуют законы. Они должны быть обязательными для каждого.

Лукаш. М-мы ведь в правовом г-государстве живем.

Вендел. Да, в правовом. Но вообще-то нам следует помолчать. Эстер – единственная квартиросъемщица, а мы... Мы все здесь, собственно говоря, незаконно проживаем.

Эстер. Я могу сюда приглашать кого хочу, квартира моя.

Шимон. Квартира твоя, но дом-то Вагнера.

Эстер. Чего ты хочешь сказать?

Шимон. Что, в лучшем случае, для тебя он, по закону, найдет жилье, а мы... Нам – на улицу.

Лукаш. Это вы н-не серьезно.

Вендел. Шимон, к сожалению, прав... Дело обстоит именно так.

Эстер. Меня отсюда вынесут только в гробу.

Вендел. Да вынесут, Эстер, вынесут. С другими они уже справились. Что вы сделаете, если вам предложат купить эту квартиру?

Эстер (*воинственно*). Тогда я ее куплю.

Вендел. На что? На деньги отца Амброза?

Эстер (*удрученно*). Не зря же он обо мне позаботился, старый жмот, мир его праху.

Лукаш (*с надеждой*). Может, мы все-таки это слово найдем, а?

Шимон. Не надо опять об этом, Лукаш...

Вендел. О чем речь?

Шимон. Да чепуха, нечего говорить...

Вендел. Какое слово-то?

Шимон. Я тебе сказал, не стоит говорить об этом.

Входит Л и н д а. Она в хорошем настроении. Встряхивает мокрый зонтик.

Линда. Привет, банда. (*Раскрывает зонтик.*)

Лукаш (*сияет*). Привет, Линд!

Остальные молчат.

Линда. Чего вы сидите, как мокрые курицы, здесь же нет дождя.

Эстер. Чаю хочешь?

Линда (*внимательно всматривается в присутствующих*). Так... Что случилось?

Эстер. Садись. (*Ставит перед Линдой чашку чая.*) Новый владелец заходил.

Линда. Владелец?.. Чего?

Шимон. Этого дома.

Линда. Как это – владелец?

Шимон. Вот так... Ему весь дом принадлежит.

Линда. Вышвыривает нас?

Лукаш. Этого он не сказал. То есть, не категорически. (*Начинает упражняться с «гантелями».*)

Линда. Тогда почему у вас лица, как у скорбных родственников? Или скорбящих? Как правильно будет, Лукаш?

Лукаш. Скорбящих.

Линда. Для скорби всегда времени хватит. Ведь пока ничего не произошло. Мы еще здесь.

Вендел. Думаешь, он оставит нас для украшения? Это лишь вопрос времени... Ты бы видела, как он здесь шарил глазами.

Линда. Ну и что, что шарил. Мы тоже не птенцы. И у нас свои люди имеются. Не так ли, Шимон?

Шимон (*оторванный от раздумий*). Какие люди?

Линда. А ваш сын? Он ведь в парламенте сидит, верно?

Эстер (*оживленно*). Точно! (*Шимону.*) Видишь, а мы забыли про него!

Шимон. Об этом засранце мне лучше не напоминайте.

Вендел. У вас сын в парламенте?

Шимон. Да, там. Но я о нем и слышать не хочу. Господин депутат стыдится папаши.

Эстер. Почему стыдится? Недавно приходил к тебе... Разыскал...

Шимон. Верно, разыскал. Но только затем, чтобы мне подачку предложить, пятьсот крон. Будто я его позорю с моими картонками.

Эстер. Пятьсот крон – неплохие деньги.

Шимон. Неплохие... Бойтся, что я, таская тележку в центре города, подорву его авторитет. Его, видите ли, беспокоит, что меня люди узнают.

Линда. Вы взяли деньги?

Шимон. Если бы я взял, вы все бы об этом знали. Они уже давным-давно лежали бы в кубышке. Двадцать пять тысяч в месяц получает, мне сует пятьсот. Собственному отцу. Ну, чего от него можно ждать? Избирался в депутаты как левый, а полгода не прошло – стал независимым.

Лукаш. А теперь? Все еще независимый?

Шимон. Да, независимый трепач со стальными локтями. До выборов весил меньше семидесяти кило, а сейчас уже за центнер перевалил... Боров! Недавно выступал по радио, так меня спазма желудка схватила. Дома палец о палец не ударил, а сейчас он эксперт, советы дает, как работать, что делать, как жить.

Вендел. Самое главное – он в парламенте. И может помочь в ситуации с Вагнером.

Шимон. Вы его не знаете. Он поможет только себе, это – да, в этом деле он мастер.

Линда. А кто такой Вагнер?

Эстер. Новый владелец дома.

Вендел. Был бы у меня сын в парламенте...

Шимон (*прерывает*). Забудь об этом, Вендел.

Лукаш. Если бы вы его попросили, объяснили ситуацию...

Шимон. Я? Я никогда никого ни о чем не просил! Никогда! Я себя уважаю. А этого хорька я и видеть не хочу!

Эстер. Тебя не убудет, если попросишь... Не за себя, так за нас...

Шимон. Даже если пришлось бы сдохнуть. Его – не буду!

Линда. Правильно. Гордость – это последнее, что еще у нас есть.

Эстер. Тебе легко говорить... Еще молодая, не пропадешь, а с нами что будет?

Линда. Никогда не бывает так плохо, чтобы не могло стать еще хуже. Может, мы с ним еще договоримся, и все будет по-старому.

Вендел. Не смейся. Нас утешаешь или себя? Как ты хочешь договориться? Что ты ему можешь предложить?

Линда (*многозначительно*). А сколько ему лет?

Эстер. Около сорока.

Линда. Ну, отлично! Я боялась, лишь бы не около восьмидесяти.

Эстер (*заинтересованно поглядывая на Линду*). Ты... думаешь, серьезно?.. Ты могла бы для нас...

Лукаш (*кричит*). Линдуш, нет! Т-ты н-не посмеешь!

Линда (*улыбаясь*). Пошутила я, Лукашек!

У Лукаша начинается эпилептический приступ.

(*Испуганно.*) Я в самом деле только пошутила, Лукашек, слышишь?!

Шимон (*придерживая Лукаша за плечи*). Лекарства, быстро! Вендел, держи ему ноги!

Шимон и Вендел совместными усилиями переносят Лукаша, у которого приступ все заметнее, на постель.

Эстер (*смачивает полотенце в воде*). Ты же знаешь, как он к тебе относится...

Линда (*плачет*). Я не хотела...

Шимон (*повышая голос*). Вы, наконец, дадите лекарство?!

Линда (*подает таблетку*). Вот, возьмите...

Вендел (*вкладывает лекарство Лукашу в рот*). Спокойно, Луки, только спокойно.

Эстер (*ласково, нежно вытирает мокрым полотенцем лицо Лукаша*). Ничего, Лукашко, ничего... Сейчас станет лучше.

В полумраке затемненной сцены, как видение, появляется фигура сгорбленного старца, который тащит за собой тележку, наполненную картоном. Эту фигуру мы опять скорее чувствуем, чем реально видим. Проходит по всей ширине сцены и исчезает в кулисе.

Картина третья

Около стола, на котором доминирует коробка с деньгами, сидят Эстер и Линда. У Эстер на носу старомодные очки. Перед Линдой школьная тетрадь, в которой она делает записи. Эстер подсчитывает деньги, разложенные по кучкам.

Эстер. Это квартплата, это за газ, это будет за электричество. Верно?

Линда (*помогает Эстер*). Верно. Надо отложить за воду, в будущем месяце придет расчет.

Эстер. Сколько?

Линда. Примерно двести крон... Увидим, сколько начислят.

Эстер (*берет из коробки деньги, отсчитывает*). Приложи к остальным, Линд.

Линда (*кладет их в кучку*). В порядке. (*Записывает в тетрадь*.)

Появляются Лукаш и Вендел. Лукаш сидит на двухколесной тележке, которую толкает сияющий радостью Вендел. У Лукаша в руках маленький потертый картонный чемоданчик.

Вендел. Добрый день, дамы!

Лукаш (*слезает с тележки*). Вендел открыл такси-услуги.

Эстер. Когда вы оба, наконец, поумнеете...

Вендел. Разума у нас достаточно, еще бы чуточку счастья...

Линда (*осматривает тележку*). Сегодня вам, кажется, повезло. Кто же плачет по этой тележке?

Вендел (*спокойно*). Линда, это подарок. Друг нашел себе другую.

Эстер. Ну, смотрите... Я не хочу неприятностей, нам их и так хватает.

Лукаш (*ставит чемоданчик на стол*). Не хочешь прокатиться, Линд?

Линда. Имела бы она четыре колеса и называлась бы «Феррари»...

Эстер (*подает Венделу ключи*). Убери ее в подвал, Вендел.

Вендел. Вам не нравится?

Эстер. Красивая... но здесь оставлять ее не надо.

Вендел. Мы хотели посмотреть, какое лицо он сделает, когда заметит.

Линда. Ребята правы, Эстер. Можно бы еще минуточку подождать. Шимон точно обрадуется.

Эстер (*строго*). Я же сказала.

Вендел увозит тележку.

Линда (*пробует чемоданчик на вес*). Сколько сегодня продал?

Лукаш. Не знаю. Спроси у Вендела.

Линда. Интересно, продал ли он тот, который что-то выиграл.

Лукаш. А кто его знает... Это вопрос вероятности. Чем меньше он продаст, тем меньше вероятность выигрыша. Это математическая закономерностью.

Эстер. Вероятность, закономерность... Жульничество.

Лукаш. В каждом выпуске должно быть определенное число билетов, которые должны выиграть.

Эстер. Ты сам-то когда-нибудь выигрывал?

Лукаш. Я – нет, но знаю одного, который выиграл машину. Купил один билет и выиграл. Автомобиль за десять крон.

Эстер. Поменьше болтай, Лукаш.

Лукаш. Честное слово, Эстер. Я никогда таких слов на ветер не бросаю. Для меня честное слово важнее клятвы.

Линда. Я тебе верю, Лукаш. Когда даешь честное слово, верю. И что он сделал с этим автомобилем?

Лукаш. Спрятал в сарай и искал деньги на автошколу. У него не было прав. Я ему дал займы.

Эстер (*с сомнением*). А откуда ты их взял?

Лукаш. Тогда они у меня еще были. Я работал на почте, упаковщиком.

Линда. Вот скукожища-то, поди.

Лукаш. Как раз наоборот, Линд. Очень интересная работка. Иногда тяжеловато, но интересно.

Эстер. Что может быть интересного в перетаскивании и упаковке пакетов?

Лукаш. Например, адреса... Как будто крутишь глобус. Иногда у меня за одну смену все пять континентов проходили... Названия городов, о которых я даже понятия не имел... Я перевозил эти пакеты в экспедицию и гадал, что в них может быть... Какую цену они имеют для отправителя и что они могут значить для получателя.

Эстер. Тебе бы лучше погадать, вернет он тебе деньги или нет.

Лукаш (*возвращается к реальности*). Кто?

Эстер. Ну тот, которому ты деньги на автошколу давал.

Лукаш. А-а... Еще не возвратил. Вернет, думаю... со всеми остальными.

Линда. Ты что, два раза ему давал?

Лукаш. Да нет, три.

Эстер. Олух... Приятель в лото машину выиграл, а наш лопух ему еще и деньги дает. Ну, дела!

Лукаш. Ему ведь на страховку нужно было, да еще за техосмотр.

Эстер. Лукаш, Лукаш... (*Берет лейку и начинает поливать герань.*)

Линда. Он хоть раз покатал тебя?

Лукаш. Пока нет, но обещал, что вместе в Милан съездим.

Линда. Почему именно в Милан? Почему не в Рим или во Флоренцию?

Лукаш. Потому что в Милане клиника Сан Паоло и профессор Рафаел Цангер... На бензин мы бы скинулись и на платное шоссе. Это обошлось бы дешевле, чем на самолете.

Эстер. Прямо-таки вижу вас на этом шоссе... (*Сосредоточенно поливает.*)

Линда. Почему бы и нет?

Эстер. А твой друг говорит по-итальянски?

Лукаш. Мики? Нет.

Эстер. Ты тоже нет. Как вы там будете объясняться?

Лукаш. Выучу. Два раза перелистаю разговорник и уже знаю его наизусть.

Эстер (*весело*). Ну, разве что так.

Линда. Забываешь, какая у Лукаша память.

Эстер. Итальянский язык – не расписание поездов.

Линда. Если он расписание поездов выучил, справится и со словарем. На мой взгляд, это легче. Я основы итальянского языка усвоила в течение двух месяцев, хотя у меня отнюдь не такая память.

Эстер. Да, манджаре, дормире а гранд аморе. У тебя был отличный учитель. *(Убирает лейку.)*

Линда. Винченцо оставьте в покое! Если бы жена дала ему развод, мы давным-давно уже были бы вместе.

Возвращается Вендел, отдает ключи Эстер.

Вендел. Я там немного порядок навел.

Эстер. Она там никому не будет мешать?

Вендел. Можете не волноваться, не будет.

Линда *(указывая на чемоданчик).* Сколько их там?

Вендел *(вытаскивает из кармана бумажку и смотрит на пометки).* Восемьсот сорок шесть.

Эстер. Сколько ты продал?

Вендел. Двести восемьдесят четыре.

Линда *(убирая чемоданчик со стола).* А хоть один из них выиграл?

Вендел. Четыре по десять. На них сразу новые купили.

Лукаш. А те что?

Вендел. Ничего.

Эстер. Лучше бы оставили себе хоть по этой десятке. Ничего не получили бы, но зато и не потеряли.

Вендел. Это уже игра.

Линда. А ты сам не пробовал? Нет?

Вендел. Как нет?.. Десять билетов стер – и ничего.

Эстер. Говорю ведь, обман сплошной. Сто крон на ветер выбросил. Зря!

Лукаш. Не зря. Он мог и выиграть.

Эстер. Мог, но не выиграл. В этом-то и обман. Каждый надеется, что выиграет.

Стук в дверь.

Кого еще черти сюда несут? *(Громко.)* Заходите!

Входят Вагнер и Зелко.

Вагнер *(робко).* Добрый день... Извините за беспокойство.

Эстер. Добрый день, господин Вагнер, проходите, пожалуйста.

Вагнер. Я пришел представить вам моего адвоката: доктор Зелко.

Зелко. Зелко, очень приятно. *(Непринужденно.)* Можно сеть?

Эстер. Пожалуйста... Вы надолго?

Зелко *(внимательно осматривает комнату).* Все зависит от вас. Как мы договоримся.

Эстер *(тревожно).* Можно предложить вам кофе?

Вагнер вопросительно смотрит на Зелко.

Зелко (*брезгливо*). Не надо. Перейдем к делу... Как вам известно, вследствие реституции, господин Вагнер стал владельцем этого объекта. По экспертизе специалистов, объект находится в аварийном состоянии.

Вендел. Знаю объекты и похуже этого, пан доктор.

Зелко (*спокойно*). Конечно, и такие имеются, только не знаю, что вы этим хотели сказать, господин?..

Вендел. Бажант. Не хотел я сказать ничего больше того, что сказал. Просто знаю дома куда в более худшем состоянии.

Зелко. Правильно, но те не принадлежат господину Вагнеру, значит, в нашем разговоре они ирелевантны.

Эстер. Какие?

Лукаш (*словно цитируя из словаря*). Неважные, незначимые, несерьезные.

Зелко (*оценивает точность ответа*). Правильно. Как вас, извините?..

Лукаш. Главаты.

Зелко (*тревожно*). Генеральный директор «Интергамы», инженер Главаты, ваш родственник?

Лукаш. Нет, однофамилец.

Зелко (*успокоившись*). Ну и ладненько. Так на чем мы остановились?

Вагнер (*робко*). На реконструкции, пан доктор.

Зелко. Точно, реконструкция... (*Оценивая рассматривает Линду*.) Из экспертизы следует, что дальнейшее пользование квартирой может быть опасно для жизни.

Линда. Ваша деликатность трогательна, господа.

Зелко. А ваша ирония, девушка, неуместна. Позвольте, кстати, мне узнать вашу почтенную фамилию?

Линда. Моя «почтенная фамилия» Ковалска. Для друзей – Линда. Но это явно другой случай. Значит, Ковалска.

Зелко. Вы ответственная квартиросъемщица?

Вагнер. Нет, пани Ломска.

Эстер. Это я.

Зелко. Ааа... Что касается пользования квартирой, то я должен вас предупредить, что в связи с переходом прав владения на дом к пану Вагнеру, на него же переходят определенные обязательства и ответственность. Например, за травму, которую вы могли бы получить, находясь в этом доме. (*Линде*.) Я говорю о взаимном интересе присутствующих во избежание такого случая.

Вендел. Вы имеете в виду какую-нибудь конкретную угрозу, господин доктор?

Зелко. Конечно. К примеру, ужасное состояние газового хозяйства и неисправности электросети.

Вендел. А каким образом проведена экспертиза дома, если здесь не был ни техник-смотритель, ни представители горгаза? Вы можете нам это объяснить?

Зелко. Экспертиза проведена целиком для всего объекта, то есть дома. Она основана на моральном и физическом износе всех конструкций и коммуникаций. Я могу все это подтвердить соответствующими документами, разумеется не вам, а пани Ломской как ответственному квартиросъемщику данной квартиры.

Лукаш. Мы были бы вам признательны за ксерокопию этих документов.

Зелко (*не реагируя*). Мой клиент, пан Вагнер, нуждается в освобождении объекта, чтобы начать его реконструкцию.

Эстер. Шила в мешке не утаишь! Теперь ясно, что вам просто необходимо освободить мою квартиру, а все ваши остальные штучки – для дураков. Лучше сразу бы сказали, что надо уехать – и все. Нечего людям голову морочить!

Зелко. Вы в состоянии решить вопрос о переезде на другую жилплощадь или потребуется наша помощь?

Эстер. Я никакой помощи не прошу. Живу здесь уже больше пятнадцати лет, у меня ордер на квартиру. Закон на моей стороне.

Зелко. Только, пани Ломска, если мой клиент не нуждается в квартире для себя или для своих ближайших родственников. В противном случае – закон на его стороне.

Эстер. Эта квартира, пан Вагнер, вам нужна самому?

Вагнер (*нерешительно*). Эта квартира нужна для моей матери, проживающей в настоящее время в доме для престарелых.

Зелко. Родители, дети, братья и сестры, с точки зрения закона, на первом месте.

Эстер. А что со мной будет?

Зелко. При желании можно устроить так, чтобы вы обменялись с матерью моего клиента.

Эстер. Как обменялись?

Зелко. Что в этот дом пошли бы вы... Это имело бы, наверное, и свои преимущества для вас.

Линда (*иронически*). Действительно? Какие преимущества?

Зелко. Например, регулярную диетическую пищу, специальное медицинское наблюдение в самом доме. Может быть, пани Ломска это со временем оценит, ведь она уже не первой молодости.

Вендел. Почему же вы предлагаете пани Ломской такое отличное место, как вы о нем говорите?

Зелко. Потому что негоже, чтобы пани Вагнерова, владелица дома, жила в доме престарелых. С этим вы, надеюсь, согласны?

Лукаш. В каком смысле негоже?

Зелко. Для нее – в психологическом, а для пана Вагнера – в общественном. Мой клиент собирается занять высокий государственный пост, и мы готовим широкую кампанию в средствах массовой информации для реализации этой цели.

Вендел. Хорошо, но как это все связано с пани Эстер?

Вагнер (*раздраженно*). Можете себе представить, что в какой-нибудь газетенке появятся сплетни, что моя мать живет в доме престарелых? Вы вообще имеете представление, как это негативно скажется на моем имидже?

Эстер. Извините, пан Вагнер, как вы сказали? На вашем – что?

Зелко (*с превосходством*). Имидж, пани Ломска. Имидж!

Эстер. Этого я еще не слышала. А что это такое, Господи, этот (*нерешительно*) и м и д ж?

Зелко (*в тупике*). Как бы вам это... (*Подбирает слова.*) Нечто вроде впечатления, которое оказывают на людей... или внешности... Трудно объяснить, точно и не скажешь, что это такое.

Линда (*провоцируя*). Да, пан доктор, действительно очень трудно. Действительно надо это знать. Хотите, вам объяснят, что это такое?

Вагнер. Мне тоже было бы очень любопытно знать, девушка.

Линда (*как будто отдает приказ собаке*). Луки! Имидж!

Лукаш (*как будто читает в словаре*). Имидж. Образ. Целенаправленно сформированный образ какого-либо лица, явления, предмета, выделяющий определенные ценностные характеристики, призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо в целях рекламы.

Вагнер (*восхищенно*). Великолепно. Откуда вы все это знаете?

Лукаш (*опять цитирует*). Словарь иностранных слов. Словацкое педагогическое издательство, тысяча девятьсот семьдесят девятый год, Братислава, страница триста девяносто два.

Вагнер. У парня фантастическая память! Его мозгигодились бы в нашей предвыборной кампании! Что скажете, пан доктор?

Зелко. Отличная мысль, пан Вагнер. Берем!

Линда (*возмущенно*). Говорите о живом человеке, как о мебели. Может, спросите и его мнение?

Зелко. Сначала ему надо бы знать сумму, которую он сможет у нас получать. И вообще, почему вы вмешиваетесь не в свои дела, девушка? Пан Главаты, если я не ошибаюсь, вполне дееспособный гражданин.

Вендел. Верно, пан доктор, дееспособный. Именно в этой связи вы могли бы к нему обратиться.

Зелко (*иронически*). Вы его адвокат?

Линда. Вы ведь тоже, как будто, выступаете от имени пана Вагнера. Или нет?

Зелко. Да, однако он меня на это уполномочил. Могли бы уже привыкнуть, что я выступаю от его имени. (*Значительно.*) Если мы победим на выборах, буду выступать еще чаще. Думаю, и пан Главаты не будет внакладе, будучи с нами в одной команде.

Лукаш (*волнуясь*). М-меня е-еще т-там нет.

Вагнер. Не торопитесь, пожалуйста. Мы не предлагаем кому попало такую блестящую перспективу. Следовало бы это ценить.

Лукаш. З-зря с-стараетесь, пан Вагнер.

Зелко. Оставим его в покое. Как видно, пан Главаты не заинтересован в сотрудничестве с нами. Жаль.

Вагнер (*Лукашу*). Возможно, в эту минуту вы лишились своего единственного в жизни шанса – подняться со дна, где вы находитесь!

Линда (*к Зелко*). Удивил бы меня Лукаш, приняв ваше предложение, – при том что вы собой представляете.

Зелко. Считайте, девушка, что я не слышал вашу неуместную реплику.

Вагнер (*спокойно*). Мы отвлеклись.

Зелко. Вы правы. Речь шла о матери пана Вагнера. Ее пребывание в доме престарелых невозможно.

Вендел (*иронично*). А если бы он не был кандидатом?

Зелко. В любом случае. (*Лукашу.*) Вы бы жили в доме престарелых, имея собственный дом?

Лукаш. Не знаю... все зависит от условий. Если я бы знал, что в доме живут приличные люди, которым некуда деться, и я должен лишить их крыши над головой...

Зелко (*прерывает раздраженно*). Вам легко философствовать, когда у вас ничего нет.

Линда. Откуда вы взяли, что у него ничего нет?

Зелко. Разве он жил бы в таких условиях? Как вы считаете?

Линда (*внушительно*). А как же его п а м я т ь?

Зелко. Проблема заключается в том, что господин Главаты опоздал. Опоздал не только потому, что отверг наше предложение войти в предвыборную команду, но и вообще опоздал во времени. Не понял, что мы живем в условиях свободного рынка, и наша жизнь управляется законом спроса и предложения. И наше предложение уже не повторится. Пану Главатому не повезло. Сегодня блестящая память не является коммерческой ценностью. Ее вытеснили компьютеры. Вычислительная техника обладает гораздо большей мощностью памяти, чем у вашего приятеля. Ему не повезло, что предложение намного превышает спрос.

Вендел (*неохотно*). Возможно...

Эстер. Квартиры над нами вы тоже намерены освободить?

Вагнер (*нерешительно смотрит на Зелко*). Думаю...

Зелко. Естественно.

Эстер. Но ведь у этих людей маленькие дети...

Зелко. Это их проблема.

Лукаш. Вы не можете их вышвырнуть просто так, на улицу.

Зелко. Не забивайте себе голову проблемами, не имеющими к вам никакого отношения. Это мои проблемы.

Линда. И вам их не жаль?

Зелко. Я адвокат господина Вагнера. Мне платят за то, чтобы я защищал его интересы. И я их, конечно, защищу. Это моя профессия.

Линда. У вас, наверное, мало друзей, господин доктор.

Зелко. Не жалуясь, пани Ковалска.

Вендел. Когда есть деньги, друзья сразу найдутся.

Зелко. Вы очень наблюдательны.

Линда. С вами я бы никогда не подружилась, будь вы трижды миллионером.

Зелко. А кто вам сказал, что я так жажду вашей дружбы. Мне достаточно зайти в ближайшую гостиницу, и через полчаса рядом со мной будут десять таких, как вы.

Лукаш резко вскакивает со своего места, Вендел задерживает его.

Лукаш. Т-ты за это ответишь!

Вендел (*крепко держит Лукаша*). Успокойся, Лукаш.

Лукаш (*пытается вырваться*). Я-аа убью его, подлеца!

Линда. Не стоит об эту мразь руки марать! (*Ищет таблетки для Лукаша.*)

Зелко. Вы за «подлеца» ответите, пан Главаты!

Лукаш. Н-никогда!

Вагнер (*испуганно*). Пожалуй, нам лучше уйти.

Зелко. Как скажете, пан Вагнер... Что касается вас, пани Ломска, мне придется проверить ваше право на пользование квартирой. Интересно, почему здесь находятся эти типы.

Вагнер. Пойдемте, пан доктор.

Вагнер и Зелко уходят.

Линда (*подает Лукашу таблетку и стакан воды*). Выпей, Лукаш.

Лукаш. С-санепил? Н-не надо, Линдуш.

Линда. Прими, ты взволнован.

Лукаш (*Венделу*). Зачем ты вмешался?

Вендел. Чтобы мы не ускорили свой отъезд отсюда.

Линда. Что?

Вендел. Чтобы не облегчить им наше выселение.

Эстер. Нас и так выселят.

Вендел. Вы правы, но не стоит давать им лишнего повода. Этот пройдоха специально нас вызывал на скандал, надеюсь, вы это поняли?

Эстер. Все-таки, Вагнер, в сущности, прав... По-своему, прав.

Линда. Хотела бы я знать – в чем?

Эстер. Зачем его матери в доме престарелых жить, когда у нее свой дом?... Мне бы это тоже не нравилось. Это несправедливо.

Вендел. А то, что нас отсюда прогоняют, это справедливо? Мы его мать в дом престарелых не отдавали.

Эстер. Мы – нет, но живем-то в ее доме.

Линда. У нее хоть есть дом престарелых, а что будет с нами, представляете?

Вендел. Если им удастся доказать, что квартира требуется матери Вагнера, а это, конечно, удастся, тогда закон на их стороне. Так что дело ясное. С нами тоже все ясно.

Лукаш. Но закон обязывает найти д-другое жилье. Где он найдет жилье для пяти человек? Д-думаете, это так просто?

Линда. Только для одного.

Лукаш. Как это для о д н о г о?

Линда. Достаточно, если он предоставит жилье для одной Эстер, ведь прописана-то здесь только она.

Эстер. Это мы еще поглядим... Они меня еще не знают. Если я упрусь, меня отсюда на аркане не утащишь.

Вендел. Если захотят, вы сами уйдете. Повысят квартплату...

Эстер (*воинственно*). Заплачу.

Линда. Чем? Мы и сейчас едва концы с концами сводим. Только что пересчитывали наши деньги, ты забыла?

Эстер. Будем экономить.

Линда. Разве, что вы сами. А нас отсюда выкинут, не заметим как.

Эстер. Сама я с этим не справлюсь. В конце месяца наша коробка уже пустая... Может, подать просьбу о повышении социальной помощи?

Вендел. Подать-то вы можете. Вопрос в другом: дадут ли?

Линда. Ну, добавят тебе несколько крон. Что это меняет? Ничего.

Лукаш (*начинает поднимать «гантели»*). Найду себе место, где лучше платят.

Вендел. Конечно. Только тебя и ждут.

Лукаш. Можешь предложить что-то лучше?

Вендел. Конечно. Повеситься. Я это уже пробовал и, если бы не Эстер, уже давно бы не имел никаких проблем. Окончательно.

Эстер. Не богохульствуй! Надо Бога благодарить, что ты жив остался.

Вендел. Не живу, а существую, а это – две большие разницы. Ну, осилим мы квартплату, а что дальше?

Линда. Была бы крыша над головой.

Вендел. Найдут другой способ нас выкинуть. Отключат газ, например.

Эстер. Буду готовить на электроплитке.

Линда. Ну, это у них не выйдет, мы платим за газ вперед.

Вендел. По их экспертизе, дом в плохом состоянии. Уберут нас ради нашей же безопасности, чтобы мы случайно не получили травму... Хотя это, конечно, вздор.

Лукаш (*настойчиво*). Будем протестовать.

Линда. В этой ситуации только Бог может помочь.

Лукаш. Мы тоже найдем себе адвоката.

Эстер. Ну, ты даешь! Еле хватает на квартплату, а мы еще и адвоката будем нанимать. Ты представь, сколько такой пройдоха заломит! И вообще, кто таких нищих станет защищать?

Линда. У нас нет денег, но мы не нищие. Нет уж!

Вендел. Пока нет, Линда, но осталось недолго.

Входит удрученный, сгорбившийся Шимон.

Шимон (*тяжело ворочая языком*). Эстер, кубышку!

Эстер (*настороженно*). Сколько тебе надо?

Шимон. Как раз наоборот, Эстер, как раз наоборот! Я хочу не брать, а вкладывать. (*Достает из кармана горстями мелочь.*)

Эстер. Шимон, ради Бога! Ты ведь не был... (*Запинается.*)

Шимон. Ну да, не был.

Остальные столбенеют.

Может, я монетный двор ограбил? (*Бросает монеты на стол.*) Это честно выпрошенные деньги.

Линда (*потрясенная*). Не верю. Вы не могли этого сделать, вы – нет! Вы смеетесь над нами... Скажите, что вы шутите!

Шимон. Не шучу, Линда, не шучу. Выпил сто грамм для храбрости. Пятьдесят – чтобы забыть, что я был инженером-конструктором, и пятьдесят – чтобы найти силы сесть на мостовую... Положил перед собой шляпу, зажмурил глаза, умирая от стыда. «Спасибо... Спасибо большое, добрые люди, дай вам Бог здоровья...» И опять повторяю...

Эстер (*неожиданно бросается на Шимона и бьет его в грудь кулаками. Истерично*). Куда же подевалось твое достоинство, которым ты так гордился? Куда, старый мошенник? Целыми днями о гордости проповедовал и так унижаешься! Думаешь нас растрогать? Выходит, ты здесь чепуху молот. Старый хрен. (*Бессильно плачет.*)

Вендел (*отводит ее от Шимона*). Не надо, Эстер, не надо.

Эстер. Так унижить нас. Ты что, совсем спятил?

Лукаш. Завтра вы туда не пойдете. Вендел достал вам тележку. Можете возить свой картон в утиль, как и прежде.

Вендел (*ободряюще*). Хотите посмотреть ее?

Шимон молчит.

Лукаш. Хорошая тележка... Шины почти новые, правда...

Шимон. Зачем нищему тележка?

Линда. Вы не нищий, нет.

Шимон. Ты уверена, Линда?

Линда. Да. Завтра возьмете тележку и пойдете опять по своим местам. Наложите с полкубометра картона, сдадите в утиль...

Вендел. Эта легко поднимет и кубометр. Хорошая тележка. Крепкая. (*Подает Шимону велосипедный замок.*) А вот этим будете ее запирать, чтобы опять не стащили.

Эстер. Сперва он отдохнет, потом посмотрит... Ты кушал?

Шимон. Не хочется... Вам очень стыдно за меня?

Лукаш (*простодушно*). Почему вы это сделали?

Шимон. Может, из солидарности, кто его знает? Хотел знать, как чувствуют себя те, кто это делают день за днем, для которых мостовая – последняя остановка. Хотел завтра пойти к парламенту, показаться своему благополучному сынку... Увидеть, как он скривит свою физиономию...

Эстер. Он тебе пятьсот крон в месяц предлагал, чего ты еще хочешь?

Шимон. Чтоб ему было стыдно, чтоб понял: деньги – не все, их можно заработать и нищенством... Знаю, вы этого не поймете... Это трудно понять.

Эстер. Ты очень странный человек, Шимон. Все время мучаешься. Из-за своей гордости ты способен даже унижить себя.

Шимон. Ты ошибаешься, Эстер... Это не гордость.

Эстер. Нет? А что это?

Шимон. Отчаяние.

В квартире постепенно гаснет свет. Через просцениум идет сгорбленный с т а р и к с тележкой, переполненной картоном. Он двигается в полумраке, его фигуру мы скорее чувствуем, чем видим. Его медленные движения выдают в нем бесконечно усталого человека.

Картина четвертая

Около стола сидит Л и н д а. Судорожно, нервно она горстями выбирает из чемоданчика Вендела лотерейные билеты, торопливо стирает с них защитную пленку и отбрасывает прочь, в кучу смятых и испорченных.

Линда (*словно лунатик*). Невозможно, невозможно! Боже мой, не обманывай меня и ты. Невозможно, чтобы и здесь не было... твой знак не может быть обманом.

Входит Э с т е р с хозяйственной сумкой.

Эстер (*испуганно*). Чего ты вытворяешь, с ума сошла?! (*Пытается вырвать у нее билеты.*)

Линда (*защищается, лихорадочно продолжая свое занятие*). Нет! Оставьте меня! Он должен здесь быть... Чувствую, что он здесь!

Шум будит спавшего Л у к а ш а.

Лукаш (сонно садится на кровати). Почему вы так орете... Целую ночь я глаз не сомкнул.

Линда (вдруг цепенеет, затем потрясенно вскрикивает). Я же знала! (Протягивает билет почти к глазам Эстер.) **П о с м о т р и!**

Эстер (надевает очки, заглядывает в билет и тяжело опускается на стул; сдавленно). Воды...

Лукаш (вскакивает и подает ей воду). Линда, полотенце быстро!

Линда (завороженно смотрит на билет). Лукаш... (Начинает рыдать.)

Лукаш (смачивает полотенце, неуклюже прикладывает его Эстер). Линда, помоги!

Эстер (тяжело, заикаясь). Расстегни блузку, болван несчастный, всю меня вымочишь.

Линда (ее плач сменяется истерическим смехом. Не выпуская билета, другой рукой расстегивает блузку Эстер, прикладывает намоченное полотенце ей на грудь). Эстер!.. Ну придите же в себя! (Слегка похлопывает ее по щеке.) Эстер!

Эстер (бессильно). Покажи мне этот билет... Сколько там нулей, у меня как-то все сливается.

Линда. Пять!

Эстер. Погляди и ты, Лукаш, чтобы верно было.

Лукаш (внимательно осматривает). П-пять их т-там. (Потрясенно.) Пятьсот тысяч?

Линда (хватает Лукаша и начинает вальсировать с ним). Ты хорошо видел! (Ритмично.) Раз – два – пять, раз – два – пять!

Эстер (как в полусне). Пятьсот тысяч!.. Линд, дай мне валидол.

Линда (перестает кружиться и с готовностью, радостно подает таблетку). Полмиллиона, Эстер, полмиллиона!!!

Эстер (принимает лекарство). Еще немного, и я была бы на твоей совести, дура взбалмошная!

Лукаш (берет три последних билета). А эти? Ч-что, если и н-на них что-то есть?

Линда (укоризненно). Тебе что – мало?

Лукаш. Я-я лишь для порядка, Линд. (Стирает с билетов пленку.) Ничего.

Эстер (с трудом поднимается). Вы хорошо посмотрели?

Линда. Мы сорвали банк!.. Как они вытаращат глаза, когда мы объявим, что у нас – этот выигрыш!.. Не могу дождаться, как их завтра будут приводить в сознание.

Лукаш. Почему же только з а в т р а? Почему н-не сейчас?

Эстер. Действительно, почему?

Линда (завороженно смотрит на билет). Ты имеешь представление о времени? Знаешь, который час? Лотерейная контора уже давно закрыта.

Эстер (приносит «кубышку»). А ночной магазин пока еще работает. (Переворачивает коробку вверх дном, высыпает все деньги.) Сбегай за бутылкой шампанского. И никому ни звука, а то нас еще до завтра прикончат. Если останется, купи чего-нибудь вкусного. Устроим вечеринку.

Линда. Я схожу.

Эстер. Сиди спокойно на своей попке и следи за билетом. До завтра отсюда ни на шаг. (*Подает Лукашу сумку и деньги.*) Смотри, не забреди куда. О билете – никому ни слова.

Лукаш. М-могу купить и соленый миндаль, Линд?

Линда. Купи, что хочешь, только поторопись!

Лукаш торопливо уходит.

Эстер (*ворошит стертые билеты на столе*). А что, если бы ты не выиграла? Что бы ты сказала Венделу?

Линда. Должно было получиться. Эстер, ты мне не веришь, но у меня действительно было предчувствие... Настоящее наитие.

Эстер. Н а и т и е... Не надо болтать... Тридцать два года у священника по хозяйству работала, но даже у отца Амброза никакого н а и т и я не было. А отец Амброз – лицо духовное, слуга Божий.

Линда. Где написано, что у духовных лиц такая монополия?.. (*Вертит в руках билет.*) Например, эта девушка, ну Бернадетта, перед которой в Лурде явилась Богоматерь, она была, кажется, пастушка.

Эстер (*значительно*). Это правда, но Бернадетта была еще невинная дева.

Линда. Невинность – тоже еще не условие. Иногда наитие бывает и у грешниц... Мария Магдалина до того, как стать святой, тоже была грешной.

Эстер. Какое это ощущение?

Линда. Быть грешницей?

Эстер. Не трещи... Прекрасно знаешь, что я про наитие спрашиваю.

Линда. Не знаю... Вдруг тебя охватывает такое странное ощущение... Действительно не знаю, как это объяснить. Сидела я около стола, слушала, как Лукаш похрапывает во сне, и все время думала, что с нами будет дальше... Вдруг мне бросился в глаза чемоданчик Вендела... Это было как команда: «Сотри эти билеты!» Я опомнилась, лишь когда стерла больше половины... Когда поняла, что делаю, меня охватила паника, но я уже не могла остановиться... Это было, как безумие.

Эстер. И что ты чувствуешь теперь, когда выигрыш у тебя в руках?

Линда. Еще как-то не могу осознать. Я словно в трансе. Могу немножко пофантазировать, что с такой кучей денег можно сделать.

Эстер. Ты представляешь, что с ними делать?

Линда. Откуда я знаю? Сейчас даже не понимаю, где что находится. Может быть, надо расплакаться, или еще что...

Эстер. Ты уже подумала, как мы сделаем завтра?

Линда (*рассеянно*). Что?

Эстер. Ну, когда пойдем получать выигрыш.

Линда. Понятия не имею, Эстер... Я вообще себе не представляю, сколько этого может быть и как это может выглядеть. *(Берет чемоданчик Вендела.)* Думаете, сюда войдет все?

Эстер. Трудно сказать. Это, наверное, целая гора денег... Даже если все выдадут тысячами. На всякий случай надо взять еще и хозяйственную сумку.

Входят Шимон и Вендел.

Вендел. Добрый вечер, дамы. *(Замечает кучу стертых билетов, бледнеет.)* Господи, Боже мой! Кто это сделал?!

Линда *(изображая виноватую)*. Прости, Вендел, я так жалею об этом...

Шимон. Несчастливая, что тебя дернуло?

Вендел *(растерянно перебирает билеты)*. Было там хоть что-нибудь?

Линда. Хотела счастья попытаться...

Вендел *(бессильно)*. Так было?

Линда. Шесть по десятке.

Шимон. Хоть что-то.

Вендел *(беспомощно)*. Так... Ну, дела... А как мы вернем остальные восемь тысяч четыреста? Где мы столько возьмем?

Линда. Придется мне их заработать...

Шимон. Легко сказать – «заработать». Как, несчастная?

Линда. У меня только один способ заработать побыстрее. Буду продавать единственное, что у меня есть. До сих пор я это делала только по любви, но больше не буду дурой.

Вендел. Лучше я отсижу за растрату. Лукаш этого не переживет.

Линда. А Лукаш тут при чем?

Вендел. Не прикидывайся, будто не знаешь. Парень любит тебя.

Линда. Глупости... Зачем тебе за меня сидеть? Сама кашу заварила – сама и съем...

Шимон. Болтаешь... Никак я не могу поверить, ты ведь не сможешь... *(Запинается.)*

Линда. Договаривайте... Блядовать?

Вендел. Итак, у господина Вагнера одной проблемой меньше. Обо мне, фактически, уже позаботились. Отсижу свое, потом увидимся... Линд, ты мне в каталажку хоть сигареты принесешь.

Возвращается Лукаш с покупками.

Лукаш *(радостно)*. Все притащил! *(Выставляет на стол две бутылки шампанского и печенье.)* Миндаля не было.

Шимон и Вендел в недоумении.

Вендел. Вы что здесь все – с ума посходили?

Линда. Садись, Вендел. *(Шимону.)* Вы, на всякий случай, – тоже. *(Протягивает Венделу билет.)*

Вендел (*вскакивает на ноги, потрясенно*). Пятьсот тысяч?! (*Отдает билет Шимону*.) Лучше вы посмотрите.

Шимон (*надевает очки, смотрит*). Ущипните меня, быстро! Мне это снится... Эстер, стаканы!

Лукаш. В-вы им н-ничего н-не сказали? (*Открывает бутылку, наливает вино*.)

Линда. Приглашаю вас, господа. Ваше здоровье!

Все пьют.

Вендел. Погодите-ка... Почему Линда?

Эстер. Потому, что она нашла его.

Вендел. Но лотерейный билет мой! (*Торопливо прячет его в карман*.) Все они м о и! (*Идет к выходу*.)

Шимон (*загораживает Венделу дорогу, хватая его за горло*). Ни шагу, или я тебя прибую.

Вендел (*сдавленно, словно в трансе*). Он мой!

Остальные цепенеют, ошарашенные зрелищем.

Шимон (*толкает Вендела к столу*). Садись, Вендел.

Вендел. Оставьте меня в покое. (*Садится*.)

Шимон. Успокойся, Вендел... Никто не спорит, билеты твои.

Вендел. Конечно, мои... (*Поправляет воротник*.)

Шимон. Конечно... Но нигде не сказано, что этот тоже твой. Вытянула-то его Линда. Если б не Линда, мог вытянуть любой другой... Дал тебе десять крон – и был бы не твой, а его.

Вендел (*слабо*). Он бы за него заплатил.

Шимон. Сколько было билетов?

Вендел. Восемьсот сорок шесть.

Лукаш. На десять, – это... восемь тысяч четыреста шестьдесят крон. Линда тебе их заплатит, и все р-решено.

Вендел. От пятисот тысяч? Ты что, с ума сошел?!

Линда. Да не бойся ты так за деньги. Конечно, билет твой. Все билеты были твои, и ты имеешь право на все эти бабки.

Шимон. Право, право... Скажи, Вендел, ты бы стер все четыреста восемьдесят шесть билетов? Стал бы так рисковать? Ну, скажи нам правду.

Вендел. Мне бы такое даже в голову не пришло... Продал бы, наверное, вместе с остальными.

Лукаш. Хоть н-не врет! Иначе я перестал бы уважать тебя.

Эстер. Что дальше? Кто тут рассудит?

Линда. Все это чепуха. Здесь нечего рассуждать. Билет Вендела, и все. Он его сюда принес, если бы не он, я бы ничего не нашла.

Лукаш. Но если б Линда его не нашла...

Вендел. Если так, у нас бы ничего не было... Единственное справедливое решение – фифти-фифти.

Эстер. Что такое фифти-фифти?

Шимон. Пятьдесят на пятьдесят, значит, пополам.

Эстер. Чего только не придумают, какие-то фифти-фифти...

Шимон. Это честный компромисс. Вендел принес билеты, Линда нашла выигрыш... У них, в сущности, одинаковые заслуги, значит, должна быть одинаковая польза.

Эстер. А я, значит, ни при чем?

Вендел (*не понимая*). Вы?

Эстер. Ты не ослышался, Вендел. Я. Что бы ты делал, не вытащи я тебя из петли месяц назад? Продавал билеты на том свете?

Вендел. Десять тысяч из моей доли – ваши, Эстер.

Эстер. Нет.

Вендел. Вам кажется мало?

Эстер. Не знаю, во сколько ты оцениваешь свою жизнь, но я только сейчас поняла: ты и пяти крон не стоишь... Когда ты к нам здесь прилип, я не считала в кубышке, сколько могу выделить для тебя... Знаешь что, дай Лукашу на самолет до Милана и иди туда, откуда пришел. Мне твоих денег не надо.

Линда. Мне – тоже. Забудь, что я нашла этот лотерейный билет. Катись.

Лукаш. Вендел не думал ничего плохого.

Шимон. Конечно... Зачем же его прогонять!

Эстер. Ты же видел, он схватил билет и хотел удрать... Совсем очумел. Если бы не ты, его здесь уже бы не было.

Шимон. Деньги ему голову вскружили... Ну и что? Видите, он уже успокоился.

Лукаш. Шимон прав. Если Венделу с нами хорошо, пусть остается.

Эстер. Ему б ы л о удобно, пока он был таким же бедным, как мы.

Вендел (*тихо*). Мы не бедные. Уже нет. У нас полмиллиона.

Линда. Точнее, у тебя. У нас – то, что и вчера. Не повезло, что мы наткнулись на такую скотину, как ты. Подавись своими деньгами и будь здоров, а когда снова надумаешь вешаться, сделай это в другом месте.

Лукаш. Н-не надо, Линдуш... Не будь такой з-злой...

Линда. А он добрый? (*Подает Лукашу таблетку.*) Вот тебе, выпей.

Лукаш. Н-не могу, я выпил шампанского. Я м-могу н-налюкаться.

Линда (*смеется*). Налюкаться!

Эстер. Налюкаться! Может, наклюкаться?

Вендел (*удрученно*). Можно и мне таблеточку?

Линда (*новый приступ смеха*). Тебе? Зачем? У тебя нет эпилепсии, у тебя – бабки.

Вендел. Я ведь сказал – у нас... У нас всех. Сколько еще вам повторять?

Эстер (*наливает всем вина*). Нет у нас другой мороки, что с ними делать... Черт тебя принес! С самого начала с тобой одни неприятности!

Вендел. За здоровье! И побольше нам таких неприятностей.

Шимон. С чего начнем?

Вендел. Завтра получу еще восемьсот пятьдесят билетов, и Линда сможет вытянуть еще один счастливый.

Шимон. Два раза в один дуб молния не попадает.

Вендел. Начнем с хорошего банкета. Конечно, в самом лучшем ресторане.

Линда. Вот это дело! Закажем отдельный кабинет, повеселимся.

Шимон. И позovem... Вагнера с его адвокатом.

Эстер. Об этих мне лучше не напоминай.

Вендел. Шимон прав, пригласим. Пусть видят, что мы не голытьба, которой можно задницу подтереть.

Эстер. Мне даже нечего надеть...

Шимон. Поди, не бегаешь голой.

Лукаш. Купим вам вечерний туалет. (*Запинается.*) Правда, Вендел?

Вендел. Без проблем. Нарядим вас, как невесту. Купим самое шикарное...

Шимон (*с иронией*). Лучше газовый баллончик...

Линда. Почему не интим-спрей? Зачем ей газовый?

Шимон. Для самообороны. Чтобы не ходить по магазинам с ножом в сумке.

Эстер. Только не это. Будь в моей сумке баллончик, Вендел, скорее всего, с нами бы здесь не веселился.

Вендел. Ну, ладно, ладно... Погуляем на нашем банкете, а потом можем поплыть на корабле по Дунаю. На экскурсию.

Лукаш. Я не умею плавать.

Линда. Не бери в голову, Лукаш. Главное, чтобы наш кораблик умел... Последний раз я каталась на речном трамвае лет в шесть... Было здорово, еще при маме...

Вендел. А я на баржах почти семь лет ходил. Таскали грузы до самого Измаила... Бывало, встречаем экскурсионный пароходик, а я даю себе слово, что когда-нибудь тоже так поеду... Под цветным зонтиком, с холодным мартини на столе. Даже не надеялся, что такое когда-нибудь будет.

Лукаш. А по океану ты не ходил?

Вендел. Я тебя разочарую, Лукаш. Океан, к сожалению, не моя стихия... Да и времени много утекло. Ну, как, устроим речную экскурсию?

Линда. Даже в ресторан не надо ходить, сделаем банкет прямо на корабле, ладно? Развернемся по-настоящему, как следует.

Шимон. Ну, повеселимся, а что дальше? Что потом?

Эстер. Сразу же отправим Лукаша в Милан. Как зовут того профессора?

Лукаш. Рафаел Цангер.

Вендел. Паспорт заграничный у тебя есть?

Лукаш. До сих пор не требовался. Сейчас, конечно, другое дело. *(Быстро.)* Если Вендел не передумал.

Вендел. Не передумал. Не беспокойся, Лукаш. Сразу, как деньги заберем, пойдешь фотографироваться и поедем в авиакабину – забронируем тебе билет.

Линда. Только, пожалуйста, не говори, что не умеешь л е т а т ь.

Лукаш. Л е т а т ь?

Линда. Когда мы собирались покататься на корабле, ты беспокоился, что не умеешь плавать.

Шимон. Линда, Линда... Когда ты, наконец, возьмешься за ум?.. А что мы будем делать, когда Лукаша отправим в Милан?

Вендел. Нам бы квартиру найти, попримечнее.

Шимон. Для кого?

Вендел. Как для кого? Для нас... для всех.

Эстер. Только без меня. Я никуда не пойду. Живу здесь больше пятнадцати лет, здесь и умру... Старые деревья нельзя пересаживать.

Линда. Эстер права. Зачем облегчать жизнь Вагнеру и этому, как его, прислужнику... Пусть немножко подергается, а то вообразил, что уже все устроено.

Шимон. У Эстер все в порядке, у нее договор имущественного найма. А вот нас рано или поздно здесь достанут. Не стоит им вредить.

Линда. Вас могут не достать... Если вы с Эстер поженитесь...

Эстер. Как п о ж е н и т е с ь?

Линда. Просто вступите в брак.

Эстер. Этого мне еще не хватало для полного счастья! Повесить себе на шею старого, вечно ворчащего хрена.

Шимон. Смотри, какая молодуха! Ты забыла меня спросить, хочу ли я на тебе жениться...

Лукаш. Но это было бы... Как супруг вы бы имели право...

Шимон. Точно! Да! А вас всех усыновить и удочерить, чтобы и у вас было право... Да ну вас...

Вендел *(насмешливо)*. Было бы неплохо... Мы бы получили права, а вы – детей. Полностью укомплектованная семейка. Одна беда – это невозможно. Для усыновления мы уже слишком старые. Но вам-то ничего не мешает. Для брака возрастные границы законом не определены. Разве что только нижние границы, но это – не ваш случай.

Лукаш (*искренне*). Хорошая пара получилась бы.

Эстер. И ты туда же!

Лукаш. Нет, я серьезно... Действительно, вы бы подошли друг другу.

Линда. А что, собственно, изменится? И так вы живете под одной крышей. Разве нет?

Эстер. Но только все по-честному. Я тут хозяйка, а Шимон – квартиросъемщик.

Линда. Надо бы об этом подумать. Тем более, ничего другого не остается, чтобы сохранить свою шкуру, а не продать задешево этим спекулянтам. На вашем месте я бы им немножко усложнила жизнь.

Эстер. А что будет с вами?

Вендел. Мы вас будем поддерживать... Пока Лукаш будет в Милане, мы с Линдой развернем какой-нибудь скромный бизнес. Что скажешь, Линдуш?

Шимон (*с сомнением*). Бизнес... Легко сказать! Для бизнеса необходим к а п и т а л. Ты, Линдуш, выиграла пятьсот тысяч... А это такая сумма: ни туда ни сюда. На прогулку по реке с банкетом многовато, квартиру купить – уже не хватит.

Линда (*с улыбкой*). Вы, может, уже выиграли миллион. А может, и больше... Что ты, Эстер, думаешь об этом?

Эстер. О чем?

Шимон. Здесь разговор идет про женитьбу! Не притворяйся, что ничего не понимаешь.

Эстер. Значит, ты квартиру в приданое получить хочешь?..

Шимон. Я не сказал, что жениться хочу... В конце концов, ты тоже кое-что получишь. Унаследуешь пенсию. Вдовью.

Эстер. Сначала надо пережить тебя, старикан.

Линда. Значит, когда будет свадьба? Надо же нам как следует подготовиться... Свидетели уже есть. Я буду у Эстер, а ты, Вендел, у Шимона.

Лукаш. А я?

Линда. Ты будешь нести шлейф невесты.

Лукаш. Я боялся, что вы забудете про меня.

Линда. Какой обряд вы хотите – церковный или...

Эстер. Церковный.

Шимон. Гражданский.

Эстер. Отец Амброз должен тогда в гробу перевернуться...

Шимон. За эти сберкнижки он ничего другого не заслуживает. Кроме того, я – атеист и должен сначала как следует все обдумать.

Эстер. Гляди, старикан, чтобы я сама не передумала.

Шимон. Мы еще не поженились, а она уже мне угрожает. Жуткая баба.

Линда. Завтра купим обручальные кольца. Хотите выбрать сами или доверите нам?

Эстер. Сами. То есть я. (Оборачивается на стук в дверь, удивлена.) Войдите.

Входят Вагнер и Зелко.

Линда. А!.. Наши Бим и Бом пришли! Здравствуйте.

Зелко (*не реагируя на иронию*). Прощальная вечеринка?

Вендел. Вечеринка – да, но не прощальная... Кто тут, по вашему мнению, пан доктор, прощается и с кем?

Зелко. Вопрос – ни с кем, а с чем? И, если отвечать именно на этот вопрос, то тогда – с этой квартирой.

Эстер. Вы, кажется, забыли, что я имею право проживать здесь?

Зелко. Сейчас разговор не о вас, пани Ломска. Я информировал соответствующие органы о нелегальном проживании здесь ваших приятелей. В ближайшее время можете ожидать энергичное вмешательство полиции.

Шимон (*рассудительно*). Полиция должна бороться с криминальными элементами, не так ли?

Зелко. О том, что должна или не должна делать полиция – решать вышестоящим органам... Я же пришел вас только информировать, чтобы предотвратить возможную конфронтацию. Вы имеете возможность предотвратить ненужный конфликт.

Линда. Мне бы был весьма интересен этот конфликт. Не люблю скуку. Не знаю, как остальные, а я с огромным удовольствием посмотрю на это «энергичное вмешательство»... Не знаю, правда, законов, которые бы запрещали пани Ломской принимать гостей.

Вагнер (*робко*). Но вы не гости. Вы здесь постоянно живете.

Шимон. Можете это доказать?

Зелко. Это вы уж предоставьте мне. Вам, пани Ломска, от имени моего клиента я предлагаю мировую... Могли бы мы поговорить с глазу на глаз?

Эстер. У меня нет тайн от моих друзей.

Вагнер (*мирно*). Может, нам принять предложения пана Зелко? Не надо отвечать сразу... Может быть, мы найдем общий язык.

Шимон. Ну да, общий язык! Как овцы с волками. Хочу обратить ваше внимание, что мы не являемся неплательщиками, поэтому разговоры об освобождении квартиры не имеют никакой правовой основы.

Зелко. Надеюсь, что вы здесь не собираетесь меня поучать в правовых вопросах. Согласитесь, что это, по меньшей мере, смешно.

Линда. Можно вам...

Шимон. Завтра мы проконсультируемся, не является ли ваше вторжение в нашу жизнь недопустимым давлением.

Зелко. Незачем ходить далеко. Я юрист и могу вас уверить, что ни о каком давлении не может быть и речи. Повторяю: я лишь предложил договориться полюбовно. Пан Вагнер может это засвидетельствовать.

Вендел (*сухо*). Если речь идет о свидетелях, то нас тут четверо. А в случае необходимости, пани Ломска наймет и адвоката.

Зелко (*иронически*). Не знал, что вы такая платежеспособная, пани Ломска.

Эстер. Я не знаю, что такое «платежеспособная», но адвоката себе возьму.

Вагнер (*тихо*). Хочу обратить ваше внимание, что иметь адвоката – дорогое удовольствие.

Лукаш. Э-это уже н-наши п-проблемы.

Эстер (*настойчиво*). Не будем вас больше задерживать, господа. С Богом!

Зелко. Как я понимаю, вы нас выгоняете?

Эстер. Правильно поняли. Квартира пока еще моя.

Зелко (*вызывающе*). Вы правы – пока еще. Пока, пани Ломска. Однако хочу вас заверить, что не надолго, не забудьте об этом.

Линда. Не забудем, пан доктор. Вы, конечно, постараетесь, чтобы мы не забыли. А теперь – и правда, с Богом!

Вагнер уходит.

Зелко (*в дверях*). На вашем месте, пани Ковалска, я бы не упоминал Бога всуе. (*Уходит.*)

Эстер (*бессильно плачет*). Что с нами будет... теперь...

Шимон (*удрученно*). Ты еще спрашиваешь?

Вендел. А что вы, собственно, хотите услышать? Что нас тут оставят для красоты?

Линда. Перестань каркать!

Лукаш. И правда, Вендел...

Вендел. Святая простота. Вы отлично знаете, что я вовсе не каркаю. Эта свинья Зелко прав. Это, в самом деле, прощальная вечеринка, хотим мы того или нет. Разбежимся в разные стороны света, как в песне поется.

Лукаш (*глотаю слезы*). Т-ты это с-серьезно?

Вендел (*обнимая его за плечи*). Ты даже представить не можешь, как бы я хотел ошибиться!

Линда (*подавляя ярость*). Я уже говорила, чтобы ты заткнулся!

Шимон (*обессиленно*). Хочешь сказать, что он не прав?

Линда (*решительно*). Хочу сказать, что завтра мы получим лотерейные деньги, и, если Вендел не против, купим Лукашу билет до Милана... Это в первую очередь. А что будет дальше, еще увидим.

Лукаш (*взволнованно*). В-вы в с-самом д-деле х-хотите это сделать?

Вендел. Ты еще можешь сомневаться в этом, Лукашек?

Эстер. Кажется, зря я на тебя тогда напустилась, Вендел. Забудь про это... Я уже не раскаиваюсь, что спасла тебя.

Шимон (*деловито*). Кто купит билет на самолет?

Вендел. Я это сделаю.

Линда. Возьми место возле окна.

Вендел. Не беспокойся. Хочешь у окошка сидеть, Лукаш?

Лукаш (*смущенно, скрывая волнение*). Е-если б-будут с-свободные места...

Затемнение. Сцена освещается ясным, чистым светом, чувствуется атмосфера радостного ожидания отъезда Лукаша в Милан.

Посреди сцены сидит Л у к а ш, его шея обмотана ослепительно белым полотенцем. Вокруг него вертится Л и н д а с ножницами в руках, быстрыми, уверенными движениями заканчивая стрижку.

Линда. Может, сзади немножко укоротить?

Лукаш (*блаженно*). Как скажешь, Линдуш.

Линда. Мне вообще-то нравятся чуть длиннее. (*Продолжая стричь, пританцовывает вокруг стула.*)

Эстер. Длинные ему идут больше... Ты его особо не задерживай, а то к фотографу опоздает.

Линда (*продолжая стричь*). Не опоздает...

Эстер. Ты размеры фоток помнишь?

Линда. По-моему, три с половиной на четыре с половиной... Фотографу надо сказать, что для загранпаспорта, а он уже сам знает, какие... Готово. Хочешь полюбоваться? (*Подает зеркало.*)

Лукаш (*растроганно*). Спасибо тебе, Линдуш, у т-тебя золотые руки.

Эстер. Ну, хорошо, хорошо... Беги скорей.

Линда поправляет волосы уходящему Лукашу.

Лукаш (*застенчиво*). М-может, ты со мной пойдешь?

Линда. Сам прекрасноходишь, у меня здесь полно работы.

Лукаш. Я быстро.

Эстер (*достаёт из коробки деньги, даёт Лукашу*). Это тебе на фотографии.

Лукаш. Спасибо. (*Уходит.*)

Эстер. Отлично его постригла, ему идет...

Линда (*подметает пол*). У Лукаша отличные волосы, такого приятно стричь.

Эстер. Парень радуется, как малое дитя.

Линда. Можете себе представить, Эстер, что для него значит заграничный паспорт?

Эстер. Без него здесь будет грустно... Герань ты уже полила?

Линда. Боже мой, Эстер! Мне бы ваши проблемы! Лукаш уезжает, может быть, навсегда. У нас крышу над головой отнимают, а у вас одна забота – полила ли я вашу герань.

Эстер. Я думала, что она и твоя тоже.

Линда. И моя, конечно. Также мне: герань. Какая глупость...

Эстер (*спокойно*). Красота – не глупость, Линдуш. Ты это прекрасно знаешь. Дело не в герани. Но человек – единственное из всех живых существ, которое выращивает цветы. Ты об этом не забывай.

Входит Ш и м о н. Останавливается в дверях, озираясь вокруг, затем идет к столу.

Шимон (*подавляя ярость*). Эстер, у тебя ром еще остался?!

Эстер (*тревожно*). Что за манеры? Не успел переступить порог, сразу ханку ему подавай...

Шимон (*нетерпеливо, зло*). Так остался?

Линда. Что случилось?

Шимон. Не спрашивай.

Эстер. Правда, что произошло? Ну?

Шимон (*обессиленно садится, задыхаясь от злости*). Этот подлец...

Линда. Вагнер?

Шимон. Вендел.

Линда (*напряженно*). Что с ним?

Шимон. Сделай собаке хорошо... Забрал, сволочь, деньги и испарился.

Эстер (*недоверчиво*). Не понимаю... Как это – испарился?

Шимон. Удрал. Испарился, как мираж... Здорово нас отблагодарил, Иуда.

Эстер (*рефлекторно хватается за грудь, преодолевая нехватку воздуха*). Это... нет... Этого... не может быть... правда. (*Ноги подкашиваются, она оседает на стул, преодолевая удушье.*) Это бы... Лукаш...

Шимон (*быстро подает Эстер стакан с водой*). Выпей...

Эстер бессильно роняет стакан.

Линда (*в шоке*). Ради Бога, Эстер!.. Шимон, помогите!

Шимон помогает Линде перенести Эстер на постель.

(В отчаянии похлопывает Эстер по щекам.)

Эстер! (*Трясет ее за плечи.*) Пожалуйста, Эстер!

Шимон берет со стола зеркало и подносит его к губам Эстер.

Я вызову врача!

Шимон осторожно складывает безжизненные руки Эстер у нее на груди.

Что вы делаете?

Шимон (*снимает шляпу*). Здесь уже врач не поможет...

Линда. Как – не поможет?

Шимон (*опустошенно*). Знаешь, Линдуш... Эстер из этой квартиры уже никто не выгонит...

Подай мне свечу.

Линда (не отрывая взгляда от Эстер, подает ему подсвечник). Вот, возьмите...

Шимон, погруженный в себя, медленно зажигает свечу и ставит ее на столик около постели.

(Как загипнотизированная.) Вы можете закрыть ей глаза?

Шимон (поглаживая лицо Эстер, закрывает ей глаза). Ты умеешь молиться?

Линда (с трудом, преодолевая слезы). Не умею... (Берет с подоконника горшок с геранью.) Но могла бы попробовать... (Ставит цветок рядом с горящей свечой.)

Шимон (размеренно). Попробуй.

Линда (складывает ладони, как при молитве). Милосердный Боже... Милосердный Боже, справедливый Боже, не допусти, чтобы и там, на небесах, она батрачила на других...

Шимон идет к окну и отворяет его настежь, потом завешивает полотенцем зеркало.

(Опустошенно.) Что будем делать?

Шимон (озираясь вокруг). Что тут еще можно делать?

Линда. Мы должны поплакать.

Шимон. Мужчины не плачут, Линдуш.

Линда. Надо поплакать, иначе это вас задушит... Нельзя без конца плакать внутри себя. Поверьте мне, я знаю, о чем говорю.

Резко открывается дверь, входят Лукаш и Вендел, держащий в руках горшок с геранью. Линда и Шимон ошеломленно смотрят на них.

Лукаш (размахивая над головой авиабилетом). Билетто ди Аэро! Если вы случайно не поняли, могу вам перевести: а в и а б и л е т!

Вендел. Что с вами, онемели что ли? (Удивленно.) А что это за свеча? (Подбегает к постели Эстер.) К о г д а?

Линда и Шимон молчат.

(С цветочным горшком в руках.) Это невозможно... Я купил ей ее любимую герань.

Лукаш (подходит к постели, не отрывая взгляда от лица Эстер). В-видите, к-какая она красивая?.. Она в с-самом деле... (Срывается голос.)

Линда (подает Лукашу таблетку). На, выпей.

Лукаш (глотает таблетку). Ты п-поняла, какая Эстер к-красивая?

Линда. Да, Лукашек, она красивая...

Вендел (бессильно). Как это могло?..

Шимон. Это моя вина.

Линда. Это неправда.

Шимон. Нет, правда. Она на моей совести.

Линда (почти в истерике). Никто в этом не виноват! У нее было слабое сердце... Это могло быть и вчера, и завтра. (Шимону.) А вы, пожалуйста, перестаньте!

Шимон. Я знаю, что говорю. Это моя вина... А ты, Вендел, прости меня.

Вендел (*горестно*). Я – вас?

Шимон. Прости, если можешь. Я тебя напрасно обвинил.

Лукаш. Как вы м-могли?

Шимон. Я сказал Эстер, что Вендел забрал все деньги и ушел.

Лукаш (*недоуменно*). Н-но почему?!

Шимон. Поверил клевете...

Лукаш. Ее у-убила клевета? Так, что ли?

Линда. Да, Луки...

Лукаш. Кто вам сказал, что Вендел ушел?

Вендел (*подавленно*). Какая теперь уже разница? Бессмысленная смерть... А может, это я ее позвал?.. У меня такое чувство, будто Эстер умерла вместо меня... Теперь понимаю, что это я разрушил ваше у б е ж и щ е.

Линда. Не мели чепуху. И не стой с этой геранью, как идиот.

Вендел (*ставит цветок*). Меня никто не убедит, она ушла вместо меня...

Лукаш подносит авиабилет к пламени свечи.

Шимон (*спокойно убирает его руку*). Не надо, Лукашек.

Лукаш. Теперь он мне не нужен. Никуда я не поеду.

Линда (*мягко*). Луки, ты поедешь... Сделай это для нас. Думаю, что и Эстер бы этого хотела.

Передавай от нас привет Милану.

Затемнение. Мигающее пламя свечи около постели Эстер освещает красную герань.

З а н а в е с